E21
38

К. Д. Ушинскій.

Краткій біографическій очеркъ.

Съ гравированнымъ портретомъ.

составилъ

А. Фролковъ.

Библиотека

С.-Петербургъ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.
1881

1957 год

E21 — 38

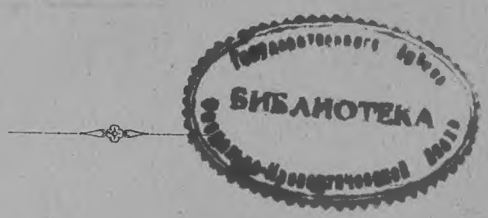
Константинъ Димитріевичъ Ушинскій.

Краткій біографическій очеркъ.

съ гравированнымъ портретомъ.

составилъ

А. Фролковъ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.
1881

1868

(620)

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 16841 68

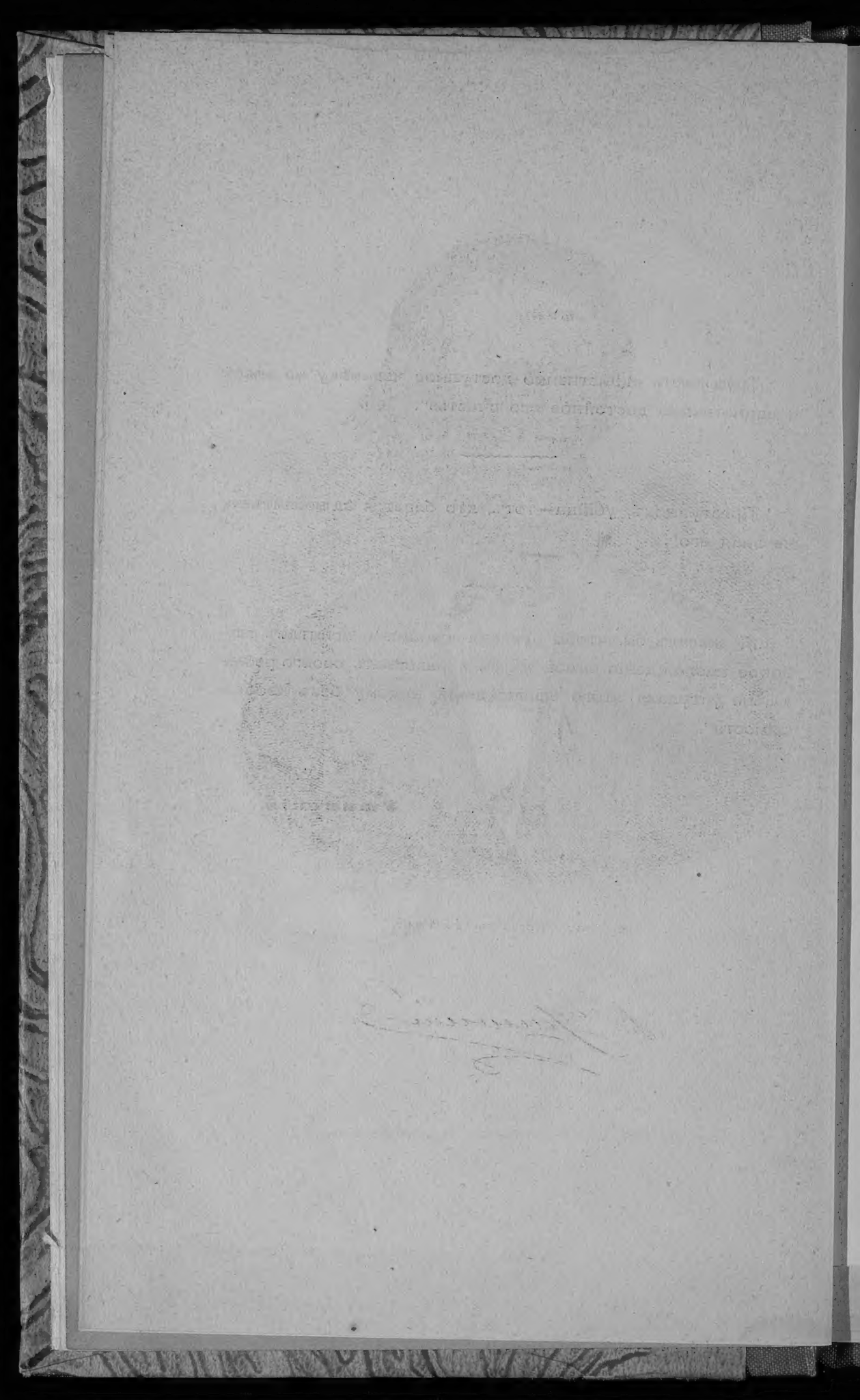
Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 5 Іюня 1881 года.

„Трудъ есть единственно доступное человѣку на землѣ и единственно достойное его счастье".

„Преступникъ, убійца—тотъ, кто берется за воспитаніе, не зная его".

„Я желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслажденія никому безъ необходимости".

Ушинскій.



Печать стали Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ

Константинъ Димитріевичъ Ушинскій.

(Біографическій очеркъ).

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года минуло ровно 10 лѣтъ со дня смерти лучшаго русскаго педагога Константина Димитріевича Ушинскаго. Имя этого человѣка извѣстно теперь чуть не въ каждой семьѣ; его „Родное слово“ находитъ мѣсто и въ роскошныхъ палатахъ богача-аристократа, и въ курной избѣ бѣдняка-крестьянина; его „Человѣкъ какъ предметъ воспитанія“ освѣтилъ и уяснилъ для русскаго педагога многочисленные вопросы теоріи воспитанія; его „Дѣтскій міръ“ и до сихъ поръ даетъ богатую пищу пытливому уму дитяти и служитъ лучшею книгою для чтенія во всей нашей педагогической литературѣ.

Такіе труды Константина Димитріевича безспорно даютъ ему право занять видное мѣсто среди небольшаго числа угасшихъ русскихъ педагоговъ, и если мы не забываемъ чтить память германскихъ педагоговъ, если мы на различныя въ честь ихъ празднества посылаемъ депутатовъ и поздравительныя телеграммы, то тѣмъ болѣе дорога должна быть для насъ память нашего род-

наго педагога. Повинуясь чувству благодарности за наслѣдство, которое покойный оставилъ послѣ себя русской педагогикѣ, мы рѣшаемся предложить благосклонному вниманію читателей его краткій біографическій очеркъ. Мы говоримъ—краткій, потому что въ настоящее время невозможно было собрать матеріалъ, необходимый для полной біографіи. Покойный велъ довольно дѣятельную переписку съ нѣкоторыми иностранными и русскими педагогами—переписку, имѣющую общій интересъ; но гдѣ было найти всѣхъ этихъ лицъ и какъ получить отъ нихъ письма Константина Димитріевича? Намъ извѣстно также, что послѣ покойнаго осталось много рукописей, набранныхъ въ корректурѣ листовъ, писемъ, записокъ и проч.; но все это еще не собрано и не разработано. Настоящимъ очеркомъ, не претендующимъ на полноту, мы желаемъ напомнить русскому обществу и русскимъ педагогамъ о замѣчательномъ труженикѣ, который создалъ разумную русскую школу, „осушилъ дѣтскія слезы, ручьями лившіяся въ прежнихъ рутинныхъ школахъ“ и привлекъ къ воспитанію и обученію русскую женщину, давъ ей возможность значительно расширить свое образованіе.

Кромѣ личныхъ воспоминаній о К. Д. Ушинскомъ, сохранившихся изъ продолжительнаго съ нимъ знакомства, кромѣ писемъ, записокъ, программъ и проч., оставшихся у насъ послѣ покойнаго, при составленіи настоящаго очерка мы воспользовались очень многими фактами переданными намъ вдовою покойнаго, Надеждою Семеновною и однимъ изъ его близкихъ друзей Я. П. Пугачевскимъ, за что и приносимъ имъ нашу искрен-

нюю признательность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно помогли намъ слѣдующія статьи и сочиненія, въ которыхъ обрисовываются нѣкоторыя стороны жизни и дѣятельности Константина Димитріевича: 1) „К. Д. Ушинскій“—некрологъ Ю. Рехневскаго. („Вѣстникъ Европы“ за 1871 г., № 2.); 2) „К. Д. Ушинскій“—біографическій очеркъ В. Стоюнина. („Спб. Вѣд.“ 1871 г., № 49); 3) „Воспоминанія объ Ушинскомъ“ П. Чалаго. („Народн. школа“ за 1872); 4) „Историческій очеркъ столѣтней жизни Смольнаго монастыря“ В. Лядова. (Спб. 1864) и 5) „Столѣтіе Смольнаго монастыря“ Д. Семенова. („Отечеств. Зап.“ 1864).

Константинъ Димитріевичъ родился въ городѣ Тулѣ, въ началѣ 1824 г. Отецъ его Димитрій Григорьевичъ, получившій воспитаніе въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, принадлежалъ къ одной изъ старинныхъ малороссійскихъ дворянскихъ фамилій. Сначала онъ служилъ въ военной службѣ и участвовалъ въ войнѣ двѣнадцатаго года, а затѣмъ вышелъ въ отставку и поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ, Черниговской губерніи. По домашней обстановкѣ, по воспитанію и по связямъ Димитрій Григорьевичъ былъ первымъ лицомъ между проживавшими тогда въ городѣ дворянами. Не смотря на то, что онъ былъ женатъ на дочери мѣстнаго капиталиста и владѣлъ сотнею десятинъ земли и 30-ю крѣпостными, состояніе его не было блестящимъ. Въ Новгородъ-Сѣверскѣ, въ самомъ концѣ города, на возвышенномъ берегу р. Десны, онъ имѣлъ устро-

енный на барскую ногу домъ съ обширнымъ дворомъ-службами и прекраснымъ фруктовымъ садомъ, изрытымъ переполненными зеленью оврагами. Въ 1835 г. Димитрій Григорьевичъ овдовѣлъ и по прошествіи нѣкотораго времени женился во второй разъ на сестрѣ генерала Гербеля, на Шостенскомъ пороховомъ заводѣ. Расширивъ этой женитьбой свои связи, онъ въ 1840 г. сдѣлался уѣзднымъ судьею и по словамъ знавшихъ его „не походилъ на тогдашнихъ Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ". Константинъ Димитріевичъ родился отъ первой жены Димитрія Григорьевича, урожденной Капнистъ, и первоначальное образованіе получилъ дома. О дѣтствѣ его мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній и не можемъ опредѣленно сказать, кто руководилъ первыми занятіями будущаго педагога. Можно только утверждать, что первыя основы его воспитанія были положены прочно и серьозно, и этимъ Ушинскій былъ обязянъ, какъ кажется, своей матери, о которой онъ вспоминалъ всегда съ чувствомъ самой горячей любви. Хорошо составленная библіотека отца, бо́льшею частію находившаяся въ полномъ распоряженіи сына, безъ сомнѣнія, много способствовала развитію въ ребенкѣ съ ранняго возраста любви къ чтенію. Вскорѣ послѣ смерти нѣжно любимой матери Ушинскій былъ опредѣленъ въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію и на столько хорошо оказался подготовленнымъ, что поступилъ прямо въ третій классъ. Гимназія эта была одною изъ лучшихъ гимназій того времени, благодаря тому, что находилась подъ руководствомъ извѣстнаго въ ученомъ мірѣ стараго профессора Ильи Ѳедоровича Тимковскаго, страстно любившаго на-

уку и соединявшаго въ себѣ юношескія стремленія съ глубокими религіозными убѣжденіями. Почтенный старикъ, какъ часто расказывалъ впослѣдствіи Константинъ Димитріевичъ, безпрестанно переходилъ отъ Горація и Виргилія къ Библіи и отъ постовыхъ молитвъ, которыя онъ самъ читалъ въ кругу гимназистовъ, къ цитатамъ изъ Тацита и Цицерона. Понятно поэтому, что и между учениками тогдашней Новгородъ-Сѣверской гимназіи жило какое-то благоговѣйное уваженіе къ наукѣ; тѣ учителя и тѣ немногіе ученики, которые занимались наукой, пользовались уваженіемъ не только учениковъ старшихъ классовъ, но даже малышей приготовительнаго или по-тогдашнему—*первѣйшаго* класса. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Ушинскій, вспоминая объ И. Ѳ. Тимковскомъ, пишетъ слѣдующее: „Миръ праху твоему, почтенный старецъ! Твоимъ нелицемѣрнымъ, продолжавшимся до гроба служеніемъ наукѣ, твоимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ ней и твоею постоянною вѣрою въ другую, гораздо болѣе высшую святыню, ты посѣялъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ такія сѣмена, которыя, да поможетъ намъ Богъ, передать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ“.

Не смотря на замѣчательную личность директора, не смотря на то, что названная гимназія, какъ мы сказали выше, была одною изъ лучшихъ въ то время, ученье въ ней не достигало той полноты подготовительныхъ свѣдѣній, которой можно и даже должно требовать отъ гимназіи. Ученики ея, даже изъ болѣе прилежныхъ, не выносили особенно обширныхъ знаній. Они узнавали кое-что то изъ той, то изъ другой науки; но любили и

уважали то, что узнавали и въ этомъ, по нашему мнѣнію, большая заслуга гимназіи и ея руководителя. Причиной неполноты ученическихъ знаній было, съ одной стороны, отсутствіе хорошихъ учебниковъ, а съ другой отсутствіе какихъ-либо педагогическихъ свѣдѣній въ преподавателяхъ. Что касается до воспитательной части, то она едва ли и существовала въ то время. Пансіона при гимназіи не было; ученики,—тогда ихъ было до 400,—располагались гдѣ попало по городу, а слѣдовательно пользовались надзоромъ только во время уроковъ; за стѣнами же гимназіи они были предоставлены самимъ себѣ и случаю. Очень часто, въ свободное отъ занятій время, цѣлыми толпами гимназисты забирались въ лежащій по сосѣдству съ гимназіей монастырскій тѣнистый садъ, гдѣ между рядами могилъ росли старыя вѣтвистыя яблони и груши. Незамѣчаемые никѣмъ, они производили въ саду значительныя опустошенія и обращались въ бѣгство при внезапномъ нападеніи монаховъ. Иногда они устроивали преинтересныя флотиліи на сосѣдней громадной лужѣ, причемъ доски съ монастырскаго забора служили для устройства плотовъ. Ученики постарше бѣгали въ слободку, расположенную за монастыремъ и славившуюся веселостью своихъ обитателей, а еще болѣе обительницъ. Весной они отправлялись въ огромные рвы, изрывшіе мѣловыя окрестности Новгородъ-Сѣверска, гдѣ въ обиліи росла чудная земляника и гдѣ новички-гимназисты получали первые уроки въ куреніи табаку изъ очеретоваго чубука и глиняной или мѣловой самодѣльной трубочки; здѣсь же преподавались иногда и гораздо болѣе гибель-

ные пріятельскіе уроки и устроивались несовсѣмъ скромныя пирушки.

Не смотря, однако, на всѣ недостатки воспитанія, которое получали ученики тогдашней Новгородъ-Сѣверской гимназіи, въ жизни ея было много прекрасныхъ сторонъ, и самъ Ушинскій, ознакомившись впослѣдствіи со многими учебными заведеніями и въ провинціи, и въ столицахъ, высоко ставилъ гимназію, въ которой самъ воспитывался и недостатки которой ему хорошо были извѣстны. Въ одномъ изъ своихъ ненапечатанныхъ сочиненій, онъ, говоря о недостаткахъ нашихъ учебныхъ заведеній, пишетъ слѣдующее: „въ иныхъ огромныхъ дѣтскихъ казармахъ, гдѣ все такъ вылакировано, вычищено, все блеститъ и сверкаетъ, все хвастливо кидается въ глаза своею обдуманностью и порядкомъ, гдѣ дѣти находятся ежеминутно подъ бдительнымъ надзоромъ неусыпныхъ начальниковъ, украшенныхъ за свою бдительность всѣми возможными отличіями, заводятся между дѣтьми тѣ же пороки, которые водились и между нами въ бѣдныхъ лачугахъ Новгородъ-Сѣверска; только эти пороки принимаютъ здѣсь еще болѣе характеръ повальныхъ болѣзней, тщательно скрываемыхъ, но не исправляемыхъ начальствомъ. Случалось мнѣ видѣть и такія заведенія, гдѣ не смотря на собраніе лучшихъ столичныхъ преподавателей, презрѣніе къ наукѣ было предметомъ хвастовства для воспитанниковъ; и такія, гдѣ пятнадцатилѣтній мальчикъ уже видитъ за учебникомъ исторіи или географіи классъ, чинъ, мѣсто, и разсчитываетъ свое прилежаніе по выгодамъ будущей службы; и такія, гдѣ мальчики, еще плохо читающіе по-рус-

ски, уже съ математическою точностью, сдѣлавшею бы честь любому воеводѣ передоваго полка, считаются чинами и породою своихъ батюшекъ, дядюшекъ и тетушекъ, и гдѣ одинъ воспитанникъ подаетъ другому руку послѣ глубокихъ соображеній. Когда мнѣ встрѣчались молодые люди, кончившіе курсъ въ какомъ нибудь значительномъ учебномъ заведеніи, кончившіе съ отличіемъ, но у которыхъ не было не только ни одной самостоятельной научной мысли, не только ни малѣйшей любви къ какой нибудь наукѣ, но которые презрительно отзывались о своей учебной жизни, о своихъ профессорахъ и даже вообще объ учености, ученыхъ и наукѣ, какъ предметахъ, необходимыхъ въ неизбѣжной комедіи дѣтства, но вовсе излишнихъ и даже неприличныхъ въ праздничесой жизни; когда мнѣ попадались безбородые юноши, еще не совсѣмъ твердо знающіе, въ какомъ вѣкѣ жилъ Карлъ Великій, но уже кощунствующіе надъ святыней отчизны... О! тогда я оцѣнилъ по достоинству и молитвы покойнаго Ильи Ѳедоровича, и наше уваженіе къ одамъ Горація, и нашу любовь къ учителю исторіи, и нашу гордость своими маленькими свѣдѣніями, и почтительный страхъ, который овладѣвалъ нами при словѣ: *университетъ!* А воля, просторъ, а природа, прекрасныя окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающіяся поля, а розовая весна и золотистая осень—развѣ не были нашими воспитателями? Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ, но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ

трудно соперничать вліянію педагога; что день, проведенный ребенкомъ посреди рощъ и полей, когда его головою овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющіяся изъ природы, что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ. Толстыя каменныя стѣны учебныхъ заведеній большихъ городовъ, дѣтскія кровати, поставленныя необозримыми рядами, жизнь по колокольчику или барабану, толстый швейцаръ у дверей, этотъ неумолимый церберъ дѣтскаго ада, вокругъ камень и желѣзо, желѣзо и камень, не только безъ малѣйшаго обрывка земли, но даже безъ куска земли, наверху—кусокъ вѣчно закрытаго неба, внутри—то гробовое молчаніе, то оффиціальный гулъ, въ которомъ исчезаетъ всякая личность, повсюду сердитые аргусовскіе глаза купленаго надзора, повсюду форма и чинность, вѣчная чистка и лакировка,—все это вѣетъ на меня какой-то безвыходной тоской, какой-то мучительной безсмыслицей; я бы, кажется, не прожилъ и мѣсяца такою жизнью". Мы позволили себѣ сдѣлать эту довольно большую выписку изъ сочиненія Ушинскаго, желая яснѣе опредѣлить хорошія стороны тогдашняго гимназическаго воспитанія и познакомить читателя со взглядомъ его на природу и свободу, какъ два великіе фактора въ воспитаніи юноши. Сдѣлавъ, такимъ образомъ, на сколько было возможно, характеристику того заведенія, въ которомъ Ушинскому суждено было получить подготовку къ дальнѣйшему универси-

тетскому образованію и направленіе котораго, безъ сомнѣнія, имѣло огромное вліяніе на сформированіе взглядовъ и убѣжденій покойнаго, мы скажемъ теперь нѣсколько словъ о гимназическомъ періодѣ его жизни.

Одинадцатилѣтнему Ушинскому пришлось попасть въ среду почти взрослыхъ товарищей-демократовъ. Понятно, что онъ отличался отъ нихъ не только своею внѣшностью, но и развитіемъ; не смотря однако на это, онъ нисколько не отставалъ отъ нихъ въ ученіи. Сначала эти юноши косились на новичка; но его симпатичная наружность, его прекрасныя душевныя качества, его простота обращенія, вскорѣ снискали ему расположеніе и любовь нѣкоторыхъ изъ нихъ. Забывая свое аристократическое происхожденіе, Ушинскій охотно посѣщалъ демократовъ-товарищей и, неуспѣвая иногда напиться чаю дома, заходилъ къ нимъ и дѣлилъ съ ними ихъ, подъ часъ бѣдный, завтракъ. Гимназія находилась на другомъ концѣ города, въ противоположную сторону отъ дома Ушинскихъ, и ему приходилось ежедневно прошагать туда и обратно до 8 верстъ. Зимою, особенно въ сильные морозы, бѣгать въ гимназію въ легкой шинелькѣ съ книгами и тетрадями было довольно тяжело. Но ни морозы, ни мятели не могли удержать Ушинскаго въ городѣ, гдѣ бы онъ могъ найти пристанище. Онъ любилъ этотъ длинный путь, идущій по живописному крутому берегу Десны, чрезъ оврагъ, отдѣляющій городъ отъ отцовскаго хутора и плакалъ, если ему почему-либо приходилось одну или двѣ ночи провести въ городѣ.

Трудился въ гимназіи Ушинскій мало; записокъ, по которымъ преподавались въ гимназіи нѣкоторые пред-

меты, у него никогда не бывало. Уроки дома онъ готовилъ рѣдко, а довольствовался прочтеніемъ заданнаго въ классѣ передъ урокомъ; но тѣмъ не менѣе отвѣчалъ иногда далеко лучше своихъ товарищей. Года за два до окончанія гимназіи Ушинскій началъ основательно изучать нѣмецкій языкъ и вскорѣ, къ немалому изумленію товарищей, читалъ уже Шиллера. Такіе успѣхи показались имъ невѣроятными, и они стали надъ нимъ подтрунивать: „онъ хочетъ пыль пустить въ глаза“, говаривали они: „самъ себя надуваетъ, воображая, что читаетъ по нѣмецки“. На одно изъ такихъ откровенныхъ замѣчаній своего лучшаго друга, Ушинскій посовѣтовалъ послѣднему попробовать читать иностранныхъ авторовъ безъ словаря.

— Да какъ же я стану читать книгу, не зная достаточно словъ, возразилъ тотъ.

— Это ничего, что нѣкоторыя слова останутся непонятыми: ты читай дальше; понявши слѣдующую мысль, поймешь и предыдущую.

Получивъ такимъ образомъ возможность читать больше и при томъ лучшихъ иностранныхъ писателей, Ушинскій уже въ эти годы сталъ надъ многимъ задумываться. Уединеніе, въ которомъ онъ проводилъ значительную часть времени, длинныя прогулки изъ дома въ гимназію и обратно по живописнымъ берегамъ Десны, постоянное чтеніе безъ разумнаго руководства,—слишкомъ рано и сильно развили въ Ушинскомъ мечтательность. Въ его головѣ мало-по-малу создавался цѣлый міръ полузаимствованныхъ, полуоригинальныхъ образовъ, сплетались длинныя и очень сложныя фантазіи и дикіе романы. Меч-

талъ онъ чаще всего среди природы—въ саду, гдѣ-нибудь въ оврагѣ, или на крутомъ берегу Десны, лежа на травѣ, заложивъ руки подъ голову, устремивъ свои черные блестящіе глаза въ безпредѣльную небесную синеву. „Боже мой“, пишетъ онъ: „сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ „кручахъ“, нависшихъ надъ рѣкою. Какъ оживлялась и наполнялась впечатлѣніями жизнь моя, когда приближалась весна! Я слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждой малѣйшей перемѣной въ борьбѣ зимы и лѣта. Тающій снѣгъ, чернѣющій ледъ рѣки, расширяющіяся полыньи у берега, проталины въ саду, земля, проглядывавшая тамъ и сямъ изъ подъ снѣга, прилетъ птицъ, оживающій лѣсъ, шумно бѣгущіе съ горъ ручьи—все было предметомъ моего страстнаго, недремлющаго вниманія, и „впечатлѣнія бытія“ до того переполняли мою душу, что я ходилъ какъ полупьяный. Но вотъ и снѣгу нѣтъ болѣе, и непріятная нагота деревьевъ въ саду замѣнилась со всѣхъ сторонъ манящими, таинственными зелеными глубинами; вотъ и вишни брызнули молокомъ цвѣтовъ, зарозовѣли яблони, каштанъ поднялъ и распустилъ свои красивые султаны, и я бѣжалъ каждый разъ изъ гимназіи домой, какъ будто меня ждало тамъ и невѣсть какое сокровище. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не былъ страшнымъ богачемъ, милліонеромъ, въ сравненіи съ дѣтьми, запертыми въ душныхъ стѣнахъ столичнаго пансіона. Какія впечатлѣнія могутъ быть даны имъ въ замѣнъ этихъ живыхъ, сильныхъ, воспитывающихъ душу, впечатлѣній природы? Послѣ уже будетъ поздно пользоваться ими, когда сердце утратитъ свою дѣтскую мягкость, а разсудокъ станетъ

между человѣкомъ и природой". Мечталъ онъ и въ классѣ, шагая отъ стѣны къ стѣнѣ, заложивъ руки за спину. Никто изъ товарищей въ такія минуты не могъ безнаказанно мѣшать его размышленіямъ; никто изъ нихъ не зналъ, что роилось въ горячей головѣ юноши, никому о томъ онъ не говорилъ. Да едвали и могъ онъ что-либо сказать о своихъ неясныхъ, безотчетныхъ грезахъ, которыя, конечно, не имѣли ничего общаго съ гимназистами, уроками и всею гимназическою жизнью.

Оставаясь вѣрнымъ своему безпечному характеру по отношенію къ занятіямъ до самаго выпуска, Ушинскій, не смотря на всю свою даровитость, не могъ приготовиться вполнѣ къ экзаменамъ и не получилъ аттестата. Не падая духомъ, онъ собрался въ Москву и, выдержавъ вступительный экзаменъ, сдѣлался студентомъ Московскаго университета по юридическому факультету, въ 1840 году.

Московскій университетъ въ то время сосредоточивалъ въ себѣ замѣчательныя научныя силы. Мы застаемъ здѣсь профессоровъ: Грановскаго, Рѣдкина, Чивилева и друг. Особенными симпатіями студентовъ пользовались Грановскій и Рѣдкинъ. Послѣдній преподавалъ энциклопедію законовѣдѣнія и государственное право. Любя науку, онъ возбуждалъ это же чувство и въ своихъ слушателяхъ. Этотъ профессоръ значительную часть своего курса посвящалъ краткому, но весьма удобопонятному очерку исторіи философіи; онъ сознавалъ, что безъ философскихъ основъ немыслимо сколько нибудь основательное изученіе права. По этому-то лекціи П. Г. Рѣдкина всегда привлекали массу слушателей, даже изъ

другихъ факультетовъ, а на Ушинскаго, на его послѣдующую педагогическую дѣятельность, онѣ, безъ сомнѣнія, имѣли сильное вліяніе. Всю жизнь сохранялъ Ушинскій въ сердцѣ своемъ величайшую признательность къ П. Г. Рѣдкину и, написавши впослѣдствіи свое капитальное сочиненіе „Человѣкъ какъ предметъ воспитанія“, первый экземпляръ этого труда онъ принесъ въ даръ своему маститому учителю. Съ первыхъ же дней своего пребыванія въ университетѣ, съ первыхъ же лекцій Ушинскій сталъ возбуждать удивленіе и вмѣстѣ симпатію въ своихъ товарищахъ. Его мѣткія замѣчанія обо всемъ, что занимало и волновало тогдашнюю университетскую молодежь, его подъ часъ рѣзкія замѣчанія объ университетскихъ лекціяхъ и профессорахъ привлекали къ нему юношей-товарищей, которые удивлялись его необыкновеннымъ способностямъ. Не смотря на ограниченность знаній, съ которыми поступилъ Ушинскій въ университетъ, ему очень легко давались университетскія лекціи. Часто случалось, что Ушинскій вполнѣ удобопонятно разъяснялъ своимъ товарищамъ какую нибудь мудреную теорію, которой они не могли усвоить изъ лекціи профессора. Благодаря своимъ способностямъ и богатой памяти, Ушинскій безъ затрудненій переходилъ изъ курса въ курсъ. Свободное отъ лекцій время онъ посвящалъ чтенію. Любимыми его авторами въ это время были Пушкинъ, Гёте, Гофманнъ и Жанъ-Поль Рихтеръ. По исторіи онъ въ это время съ особеннымъ интересомъ изучалъ эпоху французской революціи, къ героямъ которой имѣлъ особое пристрастіе. „Вольтера и Наполеона I-го онъ просто ненавидѣлъ, и это служило

поводомъ къ безконечнымъ спорамъ съ товарищами, въ числѣ которыхъ было довольно много поклонниковъ Наполеона и вольтеріанцевъ. Эта ненависть къ Вольтеру и Наполеону объясняется его убѣжденіями, которымъ онъ оставался вѣренъ во все продолженіе своей жизни. Относясь критически ко всѣмъ явленіямъ науки и жизни и будучи весьма далекъ отъ всякихъ піетистическихъ или клерикальныхъ направленій, онъ потому былъ всегда истинный христіанинъ и человѣкъ глубокихъ религіозныхъ убѣжденій, и вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ величайшимъ благомъ свободу. Въ Наполеонѣ I-мъ онъ видѣлъ такого же врага свободы, какого христіанство встрѣтило въ Вольтерѣ“ *).

Въ Москвѣ студенту Ушинскому не разъ приходилось испытывать нужду. Не всегда аккуратно получая поддержку изъ дому и не желая просить много у родителей, состояніе которыхъ съ каждымъ годомъ приходило въ упадокъ, Константинъ Димитріевичъ давалъ частные уроки и этимъ обезпечивалъ свое существованіе въ продолженіе всего университетскаго курса. Будучи совершеннымъ демократомъ и по средствамъ и по взглядамъ, Ушинскій жилъ душа въ душу съ такими же бѣдняками, какимъ былъ онъ самъ, и не разъ дѣлился съ ними „послѣднимъ рублемъ и послѣдней трубкой табаку“. Не любилъ онъ товарищей-богачей и аристократовъ, особенно тѣхъ, въ которыхъ проявлялись пошлость, заискиванье и низкопоклонство. Онъ безпощадно казнилъ тѣхъ изъ нихъ, которые передъ экзаменами ѣздили къ профессорамъ съ визитами и поздравленіями

*) Рехневскій, стр. 886.

или „старались обратить на себя вниманіе прилежнымъ записываніемъ лекцій, а также профессоровъ, которые читали по печатнымъ книгамъ“. Полная независимость характера, привычка говорить всегда и вездѣ правду— вотъ особенности, которыя отличали Ушинскаго въ университетѣ и которымъ онъ остался вѣренъ во всю свою жизнь, но которыя принесли ему не мало огорченій. Чуждаясь разгульнаго веселья, онъ не прочь былъ зайти съ друзьями въ какой-нибудь студентческій трактиръ, прочитать газеты и побесѣдовать за стаканомъ легкаго вина о различныхъ новостяхъ въ мірѣ политическомъ, литературномъ и театральномъ. Театръ для Ушинскаго былъ величайшимъ наслажденіемъ. Нерѣдко за послѣдній двугривенный онъ забирался въ самый верхъ и съ энтузіазмомъ аплодировалъ Мочалову. Для театра Ушинскій дѣлалъ въ своихъ расходахъ особыя сбереженія. Однажды въ Москву пріѣхалъ одинъ изъ родственниковъ Константина Димитріевича. Желая побывать въ театрѣ, онъ досталъ въ 1½ рубля билетъ, но почему-то не могъ имъ воспользоваться и подарилъ Константину Димитріевичу. Стѣсняясь сидѣть на такомъ важномъ мѣстѣ, а съ другой стороны, желая на уплаченныя за билетъ деньги побывать въ театрѣ не одинъ разъ, онъ продалъ этотъ билетъ кому-то изъ своихъ богатыхъ товарищей и, дѣйствительно, на полученныя деньги былъ въ театрѣ три раза. Увлеченный игрою Мочалова, Ушинскій написалъ было для его бенефиса шести-актную трагедію. Съ своимъ произведеніемъ онъ отправился къ Мочалову и прочиталъ ему одно или два дѣйствія этого произведенія. Мочаловъ не нашелъ въ трагедіи ника-

кихъ достоинствъ, чѣмъ немало огорчилъ молодого драматурга и на нѣкоторое время потерялъ въ немъ своего поклонника. Впослѣдствіи, вспоминая объ этой трагедіи, Ушинскій чистосердечно разсказывалъ, что подъ конецъ піесы у него не оставалось въ живыхъ ни одного лица; всѣ они пали жертвами неестественной смерти.

Въ 1844 году, Ушинскій окончилъ университетъ вторымъ кандидатомъ правъ и былъ приглашенъ тогдашнимъ попечителемъ московскаго учебнаго округа графомъ С. Г. Строгановымъ на профессорскую кафедру въ Ярославскій Демидовскій лицей, который преобразовывался тогда въ высшее камеральное училище. Ушинскій принялъ на себя преподаваніе энциклопедіи законовѣдѣнія, государственнаго права и науки финансовъ. Свои лекціи онъ излагалъ увлекательно, и оставилъ самыя хорошія воспоминанія въ ярославскихъ студентахъ того времени. Нѣкоторые изъ нихъ съ удовольствіемъ вспоминаютъ рѣчь его „О камеральномъ образованіи“, произнесенную на торжественномъ собраніи лицея 18 Сентября, 1848 года. Въ этой рѣчи, разбирая системы нѣмецкихъ камералистовъ, Ушинскій находитъ, что они смѣшали науку и искусство и что ихъ сочиненія представляютъ лишь сборники разныхъ совѣтовъ и указаній по всѣмъ отраслямъ промышленной дѣятельности. Предлагая свою систему камеральныхъ наукъ, Ушинскій кладетъ въ основаніе ея изученіе земли, общества и его хозяйственной дѣятельности въ самомъ широкомъ философскомъ смыслѣ. Усиленно занимаясь юридическими науками, Ушинскій обратилъ вниманіе на народныя юридическія понятія, старался изу-

чать ихъ и особенно остановился на вопросѣ: нѣтъ ли связи между ними и самою мѣстностью, въ которой развивается народная жизнь? Въ связи съ этимъ вопросомъ, онъ серьезно изучалъ сочиненія Карла Риттера.

Трудъ упорный, трудъ излюбленный, и въ это время, какъ и во всю жизнь, былъ величайшею потребностью души Константина Димитріевича. Къ своимъ лекціямъ онъ готовился необыкновенно тщательно. Выработывая планъ и сущность каждой лекціи, онъ не задавался никакими особенными соображеніями, неподходящими къ наукѣ. Онъ не считалъ возможнымъ создавать тѣсныя рамки для живого слова, онъ не могъ заранѣе точно опредѣлить, о чемъ будетъ говорить своимъ слушателямъ въ такой-то день въ такомъ-то часу, на какихъ авторовъ будетъ ссылаться и какія цитаты будетъ изъ нихъ приводить. А, между тѣмъ, этого требовали и такія требованія повели къ столкновенію Ушинскаго съ начальствомъ. На совѣтѣ по этому вопросу, Ушинскій доказывалъ, что „педагогическое дѣло невозможно связывать такими формальностями, что преподаватель долженъ обращать вниманіе на своихъ слушателей, что дѣлить весь свой курсъ на часы — значитъ, совершенно убить живое преподаваніе; а на такое убійство не отважится ни одинъ честный преподаватель“. Горячія рѣзкія слова молодаго профессора не отстояли разумнаго дѣла и послужили причиной выхода его изъ лицея вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами по службѣ.

Привыкшая къ работѣ натура Ушинскаго не могла долго переносить бездѣйствіе. Вотъ почему онъ отправляется въ Петербургъ для пріисканія какого-либо дѣла.

Здѣсь ревностный профессоръ дѣлается чиновникомъ департамента иностранныхъ исповѣданій и сослуживцемъ графа Толстаго будущаго министра народнаго просвѣщенія. Нечаянно сорвавшееся съ языка остроумное замѣчаніе, быстро, облетѣвшее весь департаментъ, вооружило графа противъ Ушинскаго. Чувство недружелюбія къ Ушинскому графъ сохранилъ и на министерскомъ посту. Книги Ушинскаго не нравились министру народнаго просвѣщенія и „Дѣтскій міръ“ былъ удаленъ изъ министерскихъ училищъ какъ книга зловредная. Впрочемъ, это гоненіе въ послѣдній годъ министерства графа Толстого значительно ослабѣло; а въ настоящее время „Дѣтскій міръ“ рекомендованъ къ употребленію во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Служа въ департаментѣ, Ушинскій получалъ только 400 руб. въ годъ. Средства эти были слишкомъ недостаточны, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ былъ уже женатъ (на дочери малороссійскаго помѣщика Надеждѣ Семеновнѣ, урожденной Дорошенко). Приходилось искать другихъ занятій; это было хотя и тяжело, но возможно, такъ какъ дѣла по службѣ у Ушинскаго было немного. Не стѣсняемый службою, Ушинскій началъ въ это время изучать англійскій языкъ, занимался философіей и особенно увлекался землевѣдѣніемъ. Подъ вліяніемъ идей Риттера Ушинскій написалъ нѣсколько критическихъ статей и съ этого времени литературная дѣятельность стала любимою дѣятельностью Ушинскаго. Но какъ всякому начинающему молодому писателю, ему пришлось довольно долго работать, прежде чѣмъ его

труды стали въ редакціяхъ читать и прежде чѣмъ они добились вниманія редакторовъ. Первыя критическія статьи Ушинскій печаталъ въ „Современникѣ“. Его небольшой разсказъ—„Поѣздка на Волковъ“ *), написанный около этого времени, оцѣненъ былъ И. С. Тургеневымъ, послѣ чего на него стали смотрѣть какъ на талантливаго писателя. Кромѣ самостоятельныхъ статей Ушинскій для „Современника“ много переводилъ, и, если не ошибаемся, принималъ участіе въ переводѣ съ англійскаго языка вмѣстѣ съ другими „Политической экономіи“ Милля. Впослѣдствіи Ушинскій сталъ работать въ „Библіотекѣ для чтенія“. Редакторъ этого журнала взваливалъ на него самую скучную журнальную работу, а именно: составленіе хроникъ и обозрѣній, разборы книгъ и т. п. Такой срочный и непрерывный трудъ разстроивалъ здоровье Ушинскаго и при тотъ весьма мало обезпечивалъ его въ матеріальномъ отношеніи. Просиживая за работой иногда цѣлыя ночи, Ушинскій уже въ это время сильно разстроилъ свое здоровье и Богъ знаетъ къ чему бы привела эта, загубившая не одинъ талантъ работа литературнаго поденщика, если бы счастливый случай не натолкнулъ его на другую дорогу, къ другому дѣлу, которое сдѣлалось впослѣдствіи цѣлью его жизни.

Въ 1855 г. Ушинскій получилъ мѣсто преподавателя словесности и одной изъ юридическихъ наукъ въ Гатчинскомъ институтѣ. Онъ ревностно принялся за новое и интересное для него дѣло, здѣсь онъ нашелъ богатую педагогическую библіотеку, составленную быв-

*) „Современникъ“ 1852 г. № 9.

шимъ инспекторомъ Института Ев. Ос. Гугелемъ, и съ жаромъ принялся за чтеніе педагогическихъ сочиненій. Вотъ что писалъ Ушинскій впослѣдствіи о своей находкѣ: „Помню я, какъ, поступивъ на службу въ одно учебное заведеніе и разсматривая его библіотеку, довольно многотомную, нашелъ я цѣлый шкафъ съ медицинскими книгами, хотя въ этомъ заведеніи никогда не учили медицинѣ. Ихъ пожертвовалъ одинъ купецъ, которому онѣ достались за долги или по наслѣдству. Наконецъ, смотрю, стоятъ два шкафа, запыленные, почернѣлые, запечатанные. Видно по всему, что ихъ лѣтъ 20 не отпирали. Прошу отворить и нахожу очень полное собраніе педагогическихъ книгъ. Это было въ первый разъ, что я видѣлъ собраніе педагогическихъ книгъ въ русскомъ учебномъ заведеніи. Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ и, Боже мой! отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, если бы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ вступилъ на педагогическое поприще! Человѣкъ, заведшій эту библіотеку, былъ необыкновеннымъ у насъ человѣкомъ. Это едва ли не первый нашъ педагогъ, который взглянулъ серьезно на дѣло воспитанія и увлекся имъ. Но горько же и поплатился онъ за это увлеченіе. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, онъ могъ нѣсколько лѣтъ приводить свои идеи въ исполненіе; но вдругъ обстоятельства измѣнились,—и бѣднякъ-мечтатель окончилъ свою жизнь въ сумашедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школой, педагогическими идеями. Не даромъ же послѣ него закрыли и запечатали его опасное наслѣдство. Разбирая эти книги, исписанныя

покраямъ одною и тою же мертвою рукою, я думалъ, лучше было бы, если бы онъ жилъ въ настоящще время, когда уже научились лучше цѣнить педагоговъ и педагогическія идеи". Подъ вліяніемъ чтенія сочиненій изъ библіотеки Гугеля для Ушинскаго вполнѣ ясно опредѣлилось его истинное призваніе. По выходѣ въ отставку инспектора института П. С. Гурьева, Ушинскій занялъ его мѣсто. Теперь его дѣятельность стала шире; приходилось примѣнять на практикѣ тѣ педагогическіе вопросы, которые до сихъ поръ занимали его въ теоріи. Тогдашняя литература стала обращать большое вниманіе на вопросы по воспитанію юношества, эти вопросы заинтересовали весь читающій русскій міръ, который смутно понималъ несовершенство тогдашняго воспитанія. „Общество оскорбленное и униженное предшествовавшими военными неудачами, съ какой-то страстью само казнило себя безпощадными обличеніями, но не приходило въ отчаяніе; оно сознавало въ себѣ нравственныя силы и возлагало свои надежды на молодое поколѣніе, которое нужно было воспитать и направить иначе. Это общественное движеніе вызвало два педагогическіе журнала", *) и Ушинскій въ одномъ изъ нихъ, а именно, въ журналѣ Чумакова „Воспитаніе" принималъ дѣятельное участіе, гдѣ и помѣстилъ нѣсколько своихъ первыхъ педагогическо-литературныхъ опытовъ. Изъ нихъ особенно заслуживаютъ вниманія: „О пользѣ педагогической литературы", **) „О народности въ об-

*) Стоюнинъ, П. В. 1871 г., № 49.
**) „Воспитаніе", 1857, т. I.

щественномъ воспитаніи“*) „Три элемента школы“**). Послѣдняя статья подписана псевдонимомъ Висаріона Жукова. Къ этому времени должно отнести и первыя его попытки надъ составленіемъ книгъ для начальнаго обученія русскому языку. Но гатчинская эпоха была лишь подготовительною для болѣе видной преобразовательной дѣятельности Ушинскаго. Здѣсь онъ собиралъ силы, нужныя для служенія родинѣ; а приложить эти силы ему пришлось уже впослѣдствіи въ другомъ учрежденіи. Дѣятельность Ушинскаго по гатчинскому институту обратила на него вниманіе министра народнаго просвѣщенія Норова, и по его рекомендаціи, онъ въ 1859 году былъ переведенъ на мѣсто Инспектора классовъ обоихъ отдѣленій или половинъ Смольнаго Института, въ которомъ готовились весьма крупныя преобразованія. Придавая огромное значеніе воспитанію женщины, которая, въ свою очередь, должна сдѣлаться воспитательницею новаго поколѣнія, Ушинскій отдался дѣлу преобразованія Смольнаго Института всею своею душою. Онъ собралъ вокругъ себя молодыхъ, талантливыхъ преподавателей, получившихъ впослѣдствіи почетную извѣстность въ наукѣ и литературѣ. Мы назовемъ изъ нихъ: В. Ѳ. Буссе, В. И. Водовозова, В. И. Лядова, О. Ѳ. Миллера, Л. Н. Модзалевскаго, А. И. Павловскаго, Я. П. Пугачевскаго, М. И. Семевскаго, Д. Д. Семенова и друг. всѣ эти помощники Ушинскаго составляли вокругъ него тѣсный дружескій кружокъ. Работая усердно, мѣняясь своими наблюденіями и опытами, эти педагоги

*) „Воспитаніе“, т. II.
**) Ibid, 1858 г., т. I.

достигали въ преподаваніи своемъ замѣчательныхъ результатовъ; они помогли Константину Димитріевичу провести весьма важныя по Институту преобразованія. Укажемъ на главнѣйшія изъ нихъ. Ушинскій желалъ, во-первыхъ, замѣнитьдевятилѣтній курсъ семилѣтнимъ; во-вторыхъ, вмѣсто 3-хъ классовъ устроить 7; въ-третьихъ, сдѣлать новое распредѣленіе предметовъ по классамъ, и въ-четвертыхъ, составить новыя программы. Первою мѣрою К. Д. желалъ достигнуть того, чтобы воспитанницы, получивъ достаточное образованіе, двумя годами ранѣе возвращались въ родныя семьи, которыхъ никакое учебное заведеніе замѣнить не можетъ. Второю мѣрою предполагалось достичь лучшихъ успѣховъ. До Ушинскаго воспитанницы, по окончаніи трехлѣтняго курса въ полномъ составѣ, переходили въ старшій классъ, не смотря на то, были ли онѣ достаточно приготовлены или нѣтъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, нельзя же было воспитанницу оставлять въ одномъ и томъ же классѣ на 6 лѣтъ. Слѣдствіемъ этого было то, что малоуспѣвшія въ низшемъ классѣ въ старшемъ успѣвали еще менѣе и выходили изъ заведенія съ самыми ничтожными и поверхностными знаніями. При устройствѣ же семилѣтняго курса и при ежегодныхъ переводахъ, малоуспѣвшія ученицы могли быть оставляемы въ томъ же классѣ еще на годъ, чтобы пополнить пробѣлы въ своихъ знаніяхъ. Въ распредѣленіи предметовъ по классамъ Ушинскій держался того взгляда, что чѣмъ менѣе возрастъ учащагося, тѣмъ меньше предметовъ должно быть съ нимъ изучаемо, а чрезъ то и самое изученіе должно быть основательнѣе. Вотъ почему въ курсъ низшаго класса были назначены только

четыре предмета: Законъ Божій, ариѳметика, русскій и французскій языки. Въ VI-мъ классѣ къ упомянутымъ предметамъ присоединялась географія, въ V-мъ—Нѣмецкій языкъ, въIV-мъ—Исторія, въ III-мъ—Физика. Кромѣ того Ушинскій считалъ очень полезнымъ пройти краткій курсъ гигіены, знаніе которой, по его мнѣнію, такъ необходимо для всякой матери и хозяйки дома. Назначая въ VII-мъ классѣ 5 уроковъ русскаго языка, а въ VI-мъ 4 (прежде ихъ было 3), Ушинскій писалъ: „Учитель русскаго языка не можетъ ограничиться однимъ только преподаваніемъ грамматики, а долженъ имѣть въ виду общее развитіе учащихся. Онъ долженъ прежде всего сообщить ученику ясное и правильное понятіе объ окружающихъ предметахъ, что очень рѣдко приносится ребенкомъ въ школу, научить его разсуждать о знакомыхъ ему предметахъ и правильно выражать свои мысли“. Преподаваніе ариѳметики, по мнѣнію Ушинскаго, должно было начинаться съ того, чѣмъ оно обыкновенно оканчивалось. Дѣти прежде всего должны были пріобрѣсти наглядныя понятія объ измѣреніяхъ, потомъ заняться именованными числами и уже затѣмъ перейти къ числамъ отвлеченнымъ. „Если въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ изученіе ариѳметики идетъ вяло и скучно, писалъ К. Д., то причина этого заключается въ отвлеченности изложенія ариѳметическихъ правилъ. Если же и въ ариѳметикѣ дитя перейдетъ отъ нагляднаго къ отвлеченному и отъ практики къ теоріи, то нѣтъ сомнѣнія, что эта теорія будетъ усвоена имъ навсегда и безъ скуки. Ариѳметикѣ слѣдуетъ учить такъ, чтобы ее нельзя было позабыть; въ противномъ случаѣ, она безполезна,

потому что, хозяйственные счеты ведутъ очень хорошо и тѣ, кто никогда не учился ариѳметикѣ". Такимъ образомъ, Ушинскій смотрѣлъ на ариѳметику и вообще на математику какъ на предметъ весьма важный, не только въ практическомъ примѣненій, но и какъ на предметъ, развивающій ученика. Придавая математикѣ такое значеніе и стремясь поставить ея преподаваніе въ школѣ на правильный путь, У. былъ однако, противъ исключительнаго преобладанія этой науки въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. По его мнѣнію, „исключительное занятіе математикой кладетъ иногда на человѣка, особенно вредный въ жизни отпечатокъ сообщаетъ его мыслямъ математическую прямолинейность, дѣлаетъ его взгляды на жизнь односторонними, придаетъ имъ какую-то особенную сухость и безжизненность".

Учебный курсъ Александровскаго училища былъ при Ушинскомъ совершенно сравненъ съ курсомъ общества благородныхъ дѣвицъ; до него же курсъ Александровскаго училища, продолжавшійся только 6 лѣтъ, былъ гораздо сокращеннѣе. Спеціальный классъ былъ организованъ также иначе. По предположеніямъ Ушинскаго воспитанницы въ этомъ классѣ должны были пробыть два года: первый годъ, который онъ называлъ теоретическимъ, дѣвицы должны были употребить на самообразованіе и на теоретическое знакомство съ педагогикой и дидактикой, второй,—который онъ называлъ практическимъ,—на практическое преподаваніе подъ руководствомъ учителей въ особо для того сформированномъ классѣ. Ушинскому же дѣти обязаны и тѣмъ, что ихъ отпускаютъ на каникулы и продолжительные праздники

къ родителямъ или ближайшимъ родственникамъ. Мысль эта, впрочемъ, осуществилась уже послѣ ухода Ушинскаго изъ Смольнаго. Потребовалось бы слишкомъ много мѣста, чтобы перечислить здѣсь все сдѣланное Ушинскимъ по Институту; намъ приходится только замѣтить, что весьма многое изъ сдѣланнаго имъ и до сего времени имѣетъ значеніе въ жизни названнаго заведенія.

Будучи инспекторомъ Смольнаго Института, Ушинскій окончилъ „Дѣтскій міръ“, на составленіе котораго потрачено было нѣсколько лѣтъ. Онъ долго не рѣшался издать свою книгу, боясь, что она не пойдетъ, но настоятельныя просьбы и убѣжденія друзей побудили наконецъ К. Д. напечатать 3,600 экз. книги, которая сразу же имѣла огромный успѣхъ.

Добиваясь настойчиво и энергично своихъ цѣлей. не щадя по временамъ чужого самолюбія, не отступая ни на шагъ отъ своихъ убѣжденій, Ушинскій вооружилъ противъ себя многихъ лицъ. Эти лица обвиняли его въ самыхъ неблаговидныхъ поступкахъ, указывали даже на его неблагонадежность. И, что всего удивительнѣе, такими недоброжелателями были лица, стоявшія у того-же дѣла и долженствовавшія имѣть своимъ девизомъ любовь къ ближнему и самое высокое христіанское смиреніе. Но дѣло честное, дѣло служенія на пользу общественную не умираетъ и не боится ни какихъ злонамѣренныхъ козней. Оно никогда не остается незамѣченнымъ тѣми изъ людей, кто дорожитъ дѣломъ. Такъ и педагогическая дѣятельность Ушинскаго всегда находила себѣ защитниковъ и покровителей, даже въ высшихъ сферахъ.

Въ то время, когда враги Ушинскаго въ одномъ вѣдомствѣ писали на него доносы, его дѣятельность была замѣчена министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинымъ. Это новое Министерство, задумавъ преобразовать наши низшія и среднія училища. желало сдѣлать журналъ свой органомъ обсужденія и разъясненія педагогическихъ вопросовъ и вообще органомъ распространенія педагогическихъ знаній. Для этого былъ приглашенъ Ушинскій въ качествѣ редактора долженствовавшаго возродиться журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Вносить жизнь вездѣ, гдѣ Ушинскій прилагалъ свой трудъ—было свойствомъ его личности. Какъ изъ Смольнаго „монастыря“ Ушинскій создалъ живое учебно-воспитательное заведеніе, въ которомъ и учащіе и учащіяся съ увлеченіемъ и интересомъ отдавались труду, такъ изъ сухаго журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, изъ сборника ученыхъ и спеціальныхъ статей, Ушинскій создалъ живой педагогическій органъ. Публика, не знавшая прежде этого журнала, стала имъ интересоваться. Нѣсколько продуманныхъ и прочувствованныхъ статей помѣстилъ здѣсь и самъ Ушинскій. Особенно изъ нихъ замѣчательны: „Трудъ“, *) „О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи“ **) „Проэктъ учительской Семинаріи“ ***) и др. Обладая извѣстными убѣжденіями, Ушинскій открыто проводилъ ихъ, какъ въ общемъ направленіи журнала, такъ и въ собственныхъ своихъ статьяхъ. Такъ какъ взгляды Ушин-

*) Журналъ М. Н. Просв. 1869. Іюль.
**) Ув. Ноябрь и Декабрь.
***) Ув. 1861 г. Мартъ.

скаго далеко не согласовались съ господствовавшимъ тогда въ журнальной литературѣ направленіемъ и такъ какъ Ушинскій и въ печати, и въ общественныхъ спорахъ рѣзко нападалъ на общество и отсутствіе въ немъ прочныхъ и строго опредѣленныхъ убѣжденій, а журналистику нашу обвинялъ въ обиліи фразъ и въ слишкомъ отрицательномъ направленіи, то естественно, что новая редакція журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія не пользовалась сочувствіемъ тогдашней нашей печати. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь небольшой отрывокъ изъ одного письма Ушинскаго, характеризующій взгляды его на тогдашнюю журналистику. „Наши модные журналы, говоритъ онъ, набиты до того грязными личностями, что, прочитавъ какую нибудь повѣсть, дѣйствительно уже испытываешь тоже чувство, какое долженъ испытывать человѣкъ, выходящій изъ тюрьмы. Замѣчательное явленіе! Въ настоящей литературѣ нашей не только не создано ни одного благороднаго характера, для чего, конечно, нуженъ талантъ, но даже нѣтъ ни одного дидактическаго или философскаго сочиненія, сколько нибудь замѣчательнаго, которое высказывало бы какія-нибудь положительныя философскія, общественныя или моральныя убѣжденія и высказывало бы такъ, чтобы критика не подняла его на смѣхъ. Я не говорю о нашихъ богословскихъ сочиненіяхъ: о нихъ критика молчитъ. Повсюду казнятъ порокъ и неправду, и тысячи отвратительнѣйшихъ лицъ, проводятся предъ глазами читателя; но въ чье же имя казнятся всѣ эти личности? По какому нравственному кодексу произноситъ надъ ними свой уголовный судъ наша литература? На какомъ

основаніи всѣ эти поступки считаются дурными поступками и въ чемъ состоятъ хорошіе? Чувству не довѣряетъ современный человѣкъ, философіи не признаетъ, да и къ кодексу христіанской нравственности прибѣгаетъ рѣдко".

По вступленіи въ управленіе Министерствомъ Народнаго просвѣщенія графа Путятина, желавшаго сдѣлать изъ журнала нѣчто въ родѣ пантеона всѣхъ наукъ, Ушинскій оставилъ службу по Министерству, не считая себя способнымъ быть редакторомъ такого энциклопедическаго научнаго журнала. Впрочемъ, нѣкоторое время онъ оставался его сотрудникомъ.

Въ Майской книжкѣ этого журнала за 1861 г. Константинъ Димитріевичъ помѣстилъ замѣчательную статью свою „Родное Слово". Въ статьѣ этой Ушинскій высказываетъ мнѣніе, что только родной языкъ служитъ прекраснымъ средствомъ духовнаго развитія дитяти и какъ странно видѣть явленіе, что русское дитя, не научившись порядочно говорить на родномъ языкѣ, ѣдетъ заграницу изучать языки чужеземные. Мысль, положенную въ основаніе этой статьи, Ушинскій вполнѣ удачно примѣнилъ въ своей книгѣ для первоначальнаго обученія родному языку, извѣстной подъ названіемъ „Родное слово". Родной языкъ онъ дѣлаетъ центромъ первоначальнаго обученія и вокругъ него, тѣсно съ нимъ связывая, группируетъ всѣ остальные предметы обученія. Онъ предполагалъ, давши дитяти обильный матеріалъ для практическаго изученія родного языка въ первыхъ двухъ частяхъ „Роднаго слова", перейти къ 3-ей части къ грамматикѣ и другимъ предметамъ. Такимъ образомъ,

первымъ отдѣломъ 3-го года являлась грамматика, второй отдѣлъ должна была составить географія, третій—исторія, четвертый ариѳметика и т. д. Преждевременная смерть помѣшала Ушинскому привести въ исполненіе свой планъ и мы имѣемъ изъ 3-го года одинъ только первый отдѣлъ—грамматическій. Нечего и говорить, какой вкладъ въ нашу литературу элементарнаго обученія внесъ Ушинскій своимъ „Роднымъ словомъ“. Составляя эту книгу, онъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, домашнее обученіе и учительницу-мать. Своими трудами по первоначальному обученію онъ хотѣлъ помочь русской женщинѣ въ обученіи ея дѣтей. „Я желалъ бы отъ всей души, говоритъ онъ, чтобы на моей родинѣ, рядомъ съ устройствомъ школъ для малолѣтнихъ дѣтей, не могущихъ по какимъ либо уважительнымъ причинамъ пользоваться счастьемъ хорошаго домашняго воспитанія и ученія, развивались въ русской женщинѣ наклонность и умѣнье самой заниматься первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей. Я желалъ бы чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслажденія никому безъ необходимости“.

Усиленные литературные труды К. Д., борьба, которую ему приходилось вести съ приверженцами старины давней при преобразованіи Смольнаго Института, сильно подорвали его здоровье и онъ долженъ былъ оставить должность Инспектора. Но труды Ушинскаго удостоились высокаго вниманія въ Бозѣ почившей Императрицы Маріи Александровны и Ей было угодно поручить ему составить

руководство педагогики для женскихъ учебныхъ заведеній. Вотъ почему К. Д. былъ причисленъ къ ученому комитету IV-го отд. собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и получилъ продолжительную командировку за-границу для ознакомленія съ иноземными женскими учебными заведеніями.

За-границу Ушинскій отправился вмѣстѣ съ семействомъ въ 1862 году, думая и выполнить тамъ данное ему порученіе, и поправить разстроенное здоровье, а также воспитаніе подроставшимъ дѣтямъ. Поселившись сначала въ Гейдельбергѣ, онъ познакомился здѣсь съ замѣчательнымъ русскимъ педагогомъ и хирургомъ Н. И. Пироговымъ, къ которому питалъ глубокое уваженіе и котораго считалъ человѣкомъ, способнымъ возвысить и укрѣпить духъ другого человѣка,—человѣкомъ, жизнь котораго можетъ для всякаго служить образцомъ. „Наконецъ-то мы имѣемъ посреди насъ человѣка, на котораго съ гордостью можемъ указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ и по безукоризненной дорогѣ котораго можемъ вести смѣло наши молодыя поколѣнія. Пусть наша молодежь смотритъ на этотъ образъ и будущность нашего отечества будетъ обезпечена“.

Взявъ на себя трудъ составить учебникъ педагогики, Ушинскій скоро увидѣлъ всю трудность и почти невозможность этой работы. Относясь серьезно ко всякому дѣлу, онъ не считалъ полезнымъ составлять такое руководство, въ которомъ бы только были приведены различные педагогическіе рецепты безъ указанія ихъ основаній. Если, помнѣнію Ушинскаго, нельзя сдѣлаться хорошимъ медикомъ, изучивъ только хотя и самые полные

лѣчебники, но не изучивъ анатоміи и физіологіи, точно также нельзя быть хорошимъ педагогомъ, не имѣя основательныхъ познаній антропологическихъ. Эта же часть знанія и вообще философское образованіе у насъ въ то время были далеко не разработаны. Вотъ почему, прежде чѣмъ составлять учебникъ педагогики, Ушинскій задался цѣлью написать педагогическую антропологію, чтобы уяснить и систематизировать философскія и психологическія начала этой науки. Русская литература въ этомъ случаѣ ничего не давала Ушинскому: пришлось приниматься за иностранныхъ авторовъ. Съ карандашемъ въ рукѣ, испещряя страницы своими замѣчаніями, онъ читалъ сочиненія какъ древнихъ, такъ и новыхъ мыслителей, философовъ и педагоговъ: Аристотель, Спиноза, Гегель, Кантъ, Милль, Локкъ, Бэнъ, Дарвинъ, Шоппенгауэръ, Бенеке не выходили у него изъ рукъ въ это время. Трудъ огромный задалъ себѣ К. Д.; но онъ не боялся труда: въ немъ онъ находилъ всегда величайшее наслажденіе и на самомъ себѣ доказывалъ свою мысль, что „внутренняя, духовная, животворная сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности, и счастья.“ За-границей Ушинскій выполнилъ черновую, такъ сказать, подготовительную работу для будущей „педагогической антропологіи“. Онъ привезъ оттуда массу отдѣльныхъ листковъ бумаги, на которыхъ были сдѣланы выписки изъ философовъ и набросаны его собственные выводы. Нужно было привести все это въ систему и связать все одной идеей, однимъ планомъ, которые давно уже созрѣли въ головѣ Константина Димитріевича. Эта чистовая работа совершалась въ Петербургѣ и на

нее Ушинскій посвящалъ обыкновенно утро, такъ какъ слабое здоровье не позволяло ему заниматься по вечерамъ. Удалившись въ свой кабинетъ, заваленный книгами, К. Д. усаживался въ большое кресло и начиналъ кому либо диктовать ту или другую главу изъ антропологіи. Продиктовавъ часть, онъ заставлялъ писавшаго прочитывать, дѣлалъ дополненія и исправленія и снова начиналъ диктовать. Весьма рѣдко его сразу удовлетворяла продиктованная глава; исправивъ нѣсколько разъ въ рукописи, К. Д. иногда совершенно заново исправлялъ ее въ корректурѣ, зачеркивая цѣлыя полосы, чрезъ что первыя изданія его сочиненій обходились очень дорого. Такимъ же передѣлкамъ подвергались и отдѣльныя журнальныя статьи, а нѣкоторыя, пролежавъ на рабочемъ столѣ К. Д. довольно долгое время и перечитанныя вновь, совершенно не пускались имъ въ печать.

Такимъ образомъ вышелъ изъ подъ пера Ушинскаго „Человѣкъ какъ предметъ воспитанія“ или „Опытъ педагогической антропологіи“. Сочиненіе это, помимо глубокой учености и необычайной простоты и ясности изложенія, имѣетъ еще одно весьма важное достоинство: въ немъ различныя теоріи на каждомъ шагу подкрѣпляются примѣрами изъ жизни, вынесенными въ большинствѣ изъ наблюденій автора надъ самимъ собою, надъ собственною духовною дѣятельностью, а это-то и придаетъ сочиненію Ушинскаго огромный интересъ и необычайную живучесть нѣкоторыя же страницы можно назвать просто увлекательными.

Мы имѣемъ только два тома этого труда Ушинскаго. Изъ сохранившейся у насъ программы педагогики, ко-

горая была составлена Ушинскимъ для женскихъ учебныхъ заведеній и которая является конспектомъ полнаго сочиненія „Человѣкъ какъ предметъ воспитанія“, ясно можно видѣть, что должна была заключать въ себѣ третья часть названнаго труда. Здѣсь должны были разсматриваться духовныя способности, составляющія отличительную черту психической жизни человѣка. Названная программа передана нами Г-жѣ Ушинской для напечатанія въ собраніи педагогическихъ статей покойнаго ея мужа; но тѣмъ не менѣе считаемъ не лишнимъ привести здѣсь ту часть программы, которая познакомитъ читателя съ содержаніемъ не напечатаннаго третьяго тома антропологіи.

Психическія явленія высшаго порядка или явленія духовныя: общее понятіе объ этихъ явленіяхъ и самосознаніе, какъ отличительный ихъ признакъ. Отношеніе самосознанія къ сознанію. Самосознаніе какъ источникъ разума. Самосознаніе или разумность какъ общій корень всѣхъ духовныхъ чисто человѣческихъ явленій. Виды этихъ явленій: даръ слова, чувство художественное, чувство нравственное, чувство религіозное.

I. *Даръ слова.* Физіологическія и психическія основанія дара слова. Важное значеніе языка въ умственномъ развитіи человѣка вообще и дитяти въ особенности. Развитіе языка въ человѣчествѣ. Логическая и историческая связь языковъ. Отношеніе языка къ логикѣ. Развитіе языка въ индивидѣ и въ особенности у дѣтей. Значеніе народнаго языка для индивида и въ особенности для дитяти. Условія благопріятствующія и условія противодѣйствующія развитію языка въ дѣтяхъ.

Оцѣнка въ этомъ отношеніи различныхъ вліяній. Педагогическія мѣры, способствующія правильному и обширному развитію дара слова въ дѣтяхъ. Вліяніе изученія иностранныхъ языковъ на знаніе своего собственнаго.

II. *Чувство художественное.* Его психическія и физіологическія основы. Его проявленія въ музыкѣ, живописи, ваяніи, поэзіи, любви къ природѣ и человѣку. Условія способствующія и условія противодѣйствующія развитію художественнаго чувства. Поэтическій элементъ въ воспитаніи. Оцѣнка различныхъ поэтическихъ произведеній въ ихъ вліяніи на душу дитяти. Вліяніе занятій искусствами, въ особенности музыкой и живописью, на общее развитіе и душевное настроеніе дѣтей.

III. *Чувство нравственное.* Психическія основы нравственнаго чувства и двѣ формы его: 1) индивидуальное нравственное чувство или чувство правды и справедливости; 2) общественное нравственное чувство или чувство нравственности въ тѣсномъ смыслѣ.

1) Чувство правды и справедливости. Его психическія основы въ чувствѣ личности и въ чувствѣ равенства личностей передъ закономъ совѣсти. Исторія чувства правды и справедливости въ дѣтской душѣ. Оцѣнка въ этомъ отношеніи вліянія окружающей среды и обращенія взрослыхъ съ ребенкомъ. Вліяніе обращенія дѣтей между собою. Воспитательныя мѣры для укорененія въ ребенкѣ чувства правды и справедливости.

2) Нравственное чувство въ тѣсномъ смыслѣ. Его психическія основы въ сознаніи свободы воли, слѣдовательно вмѣняемости поступковъ, въ стремленіи къ безграничной дѣятельности, въ стремленіи къ самоусо-

вершенствованію. Совѣсть—какъ мѣрило собственнаго совершенства. Исторія развитія нравственнаго чувства въ дѣтяхъ. Жизненныя условія и воспитательныя мѣры въ ихъ вліяніи на развитіе и подавленіе нравственнаго чувства. Важное значеніе этого чувства въ жизни человѣка. Педагогическія мѣры для правильнаго его развитія. Мѣры, возбуждающія подавленное нравственное чувство.

IV. *Чувство религіозное.* Психическія основы стремленія къ Божеству. Стремленіе это врождено каждой человѣческой душѣ. Исторія развитія этого чувства въ душѣ человѣка. Условія, способствующія и противодѣйствующія развитію религіознаго чувства. Его уклоненія съ нормальнаго пути; вредныя послѣдствія такихъ уклоненій. Педагогическія мѣры для правильнаго развитія религіознаго чувства.

Живя за-границей съ 1862 по 1867 г., по преимуществу въ Швейцаріи, К. Д. ознакомился съ устройствомъ народныхъ школъ и учительскихъ семинарій этой страны. Результатомъ наблюденій явились любопытныя и поучительныя его письма подъ заглавіемъ „Педагогическая поѣздка по Швейцаріи“. Осмотрѣвъ множество за-граничныхъ школъ для малолѣтнихъ дѣтей и восхищаясь нѣкоторыми изъ нихъ. Ушинскій тѣмъ не менѣе полагалъ, что до 8 и даже до 10 лѣтъ дитя должно воспитываться въ семьѣ, а не въ общественной школѣ; по его мнѣнію, школа для маленькихъ дѣтей тогда только хороша, когда она вполнѣ проникнута семейнымъ характеромъ и болѣе похожа на семью, чѣмъ на школу. Видя въ Швейцаріи массу школъ и

почти не встрѣчая дѣтей, не посѣщающихъ школу, Ушинскій находилъ дурнымъ, что школы „избавляютъ отъ необходимости заниматься съ дѣтьми не только такихъ матерей, у которыхъ весь день поглощенъ личнымъ и тяжелымъ трудомъ, но и такихъ, которыя очень могли-бы посвятить обученію своихъ малютокъ тѣ немногіе часы или, лучше сказать, минуты дня, какія для этого нужны". Находясь за-границей, Ушинскій бо́льшею частію проживалъ въ Швейцаріи, но посѣщалъ и Францію, и Италію, гдѣ его любимымъ уголкомъ была Ницца. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Ниццу, Ушинскій имѣлъ счастіе встрѣтиться здѣсь съ покойной Государыней Маріей Александровной. Императрица неоднократно бесѣдовала здѣсь съ Ушинскимъ о различныхъ вопросахъ воспитанія и удостоила его высокаго довѣрія, поручивъ ему высказать свои взгляды о характерѣ воспитанія Наслѣдника русскаго престола. Мысли свои по этому предмету Ушинскій изложилъ въ четырехъ письмахъ, которыя и были благосклонно приняты Ея Величествомъ. Въ письмахъ этихъ Ушинскій указываетъ на отсутствіе строго опредѣленныхъ и окончательно выработанныхъ убѣжденій въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ и говоритъ, что такое общество самое опасное общество для Правительства, и чтобы управлять такимъ обществомъ будущему Монарху Россіи необходимо укрѣпить въ сердцѣ своемъ правильныя христіанскія, европейскія и русскія общественныя убѣжденія.

Живя за-границей, Ушинскій почти ежегодно лѣтомъ пріѣзжалъ въ Россію, главнымъ образомъ по дѣламъ своихъ изданій, при чемъ поселялся обыкновенно въ

Павловскѣ. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ К. Д. узналъ, что его „Дѣтскій міръ“ не допущенъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ школахъ, такъ какъ обиліе статей въ книгѣ по естествознанію можетъ развить въ дѣтяхъ матеріализмъ, нигилизмъ и т. п. Такое неожиданное огорченіе было тѣмъ болѣе тяжело для Ушинскаго, что тотъ же ученый комитетъ и, кажется, тоже самое лицо, разсмотрѣвъ книгу при министрѣ Головнинѣ и указавъ также на обиліе статей по естествознанію, сдѣлало совершенно иной выводъ. По этому отзыву дитя, читающее книгу „Дѣтскій міръ“ и знакомящееся съ природой и человѣкомъ, должно воспитать въ сердцѣ своемъ благоговѣніе предъ Тѣмъ, Кто такъ чудно, такъ гармонично создалъ міръ. Два совершенно противоположные отзыва ученаго комитета о „Дѣтскомъ мірѣ“ Ушинскій хранилъ, какъ документы, указывающіе на отсутствіе ясно выработанныхъ и строго опредѣленныхъ взглядовъ въ русскомъ учебномъ вѣдомствѣ. Получивъ неблагопріятный отзывъ о своей книгѣ, Ушинскій вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ, въ какомъ родѣ новому министерству народнаго просвѣщенія желательно видѣть въ школахъ книгу для чтенія. Хотя К. Д. далеко не раздѣлялъ взглядовъ графа Толстаго на характеръ книги для чтенія, но, раздраженный гоненіемъ на „Дѣтскій міръ“, онъ принялся было за составленіе книги, угодной министру. Такъ какъ предполагаемая книга представляла бы совершенную несообразность съ выработавшимися у насъ уже тогда педагогическими взглядами, такъ какъ она совершенно противорѣчила бы убѣжденіямъ К. Д. и могла совершенно подорвать пріобрѣ-

тенный уже имъ въ литературѣ и обществѣ авторитетъ, то друзья успѣли его отговорить отъ приведенія въ исполненіе задуманнаго намѣренія. Въ это же самое время (1866 г.) появилась книга для первоначальнаго чтенія, составленная гг. Филоновымъ и Радонежскимъ. Подлаживаясь подъ тонъ новаго министерства, составители заимствовали отрывки для своей *дѣтской* книги изъ произведеній, хотя извѣстныхъ и почтенныхъ, но далеко *не дѣтскихъ* русскихъ классиковъ: Игумена Даніила, Митрополита Филарета, Карамзина, Муравьева, Бодянскаго, архіепископа Иннокентія, барона Корфа и др. Весь матеріалъ книги раздѣлялся на шесть отдѣловъ: 1-й—Законъ Божій, 2-й—Исторія, 3-й—Жизнеописанія, 4-й—Географія, 5-й—Естествознаніе и 6-й—Словесность. Ушинскій первый оцѣнилъ по достоинству эту книгу въ критической статьѣ своей „Цвѣты московской педагогіи на петербургской почвѣ“ *). Особеннаго его вниманія заслужилъ въ этой книгѣ отдѣлъ по естествознанію, наполненный отрывками изъ Н. Греча, Карамзина и Ломоносова. Разсматривая этотъ отдѣлъ книги, К. Д. обращается къ составителямъ ея съ слѣдующими словами: „Эхъ, гг. Филоновы, Радонежскіе и tutti quanti, не трогать бы вамъ лучше почтенныхъ именъ нашихъ великихъ людей. Карамзины и Ломоносовы любили отечество, любили науку, горячо вѣрили въ прогрессъ, трудились всю жизнь для народнаго образованія и прежде всего были честные люди. Какъ глубоко огорчились бы они, если-бы могли предвидѣть, что чрезъ 100—150 лѣтъ послѣ нихъ возможны будутъ такія патріотическія спе-

*) Отечеств. Зап. 1866 г., № 20.

куляціи ихъ именами въ дѣлѣ воспитанія русскихъ дѣтей. Какъ глубоко огорчились бы эти истинные патріоты, а не фальшивые, подкрашенные, размалеванные шуты въ патріотическихъ маскахъ, если бы могли предвидѣть, что чрезъ 100 — 150 лѣтъ послѣ нихъ въ русской учебной литературѣ будутъ появляться такіе книги, которыя даже гдѣ нибудь на Отаитскихъ островахъ были бы нелѣпостью".

Благодаря ли статьѣ Ушинскаго, или же благодаря дѣйствительно своей несообразности, книга гг. Филонова и Радонежскаго совершенно не имѣла успѣха, а разборъ Ушинскаго вызвалъ со стороны г. Филонова чрезвычайно рѣзкій отвѣтъ подъ заглавіемъ „Плоды педагогическаго озлобленія", который не былъ принятъ ни одной редакціей и появился отдѣльной брошюрой. Защищая книгу свою отъ нападокъ Ушинскаго. г. Филоновъ употребляетъ весьма странный пріемъ: онъ старается доказать, что книги Ушинскаго „Дѣтскій міръ" и „Родное слово" могутъ развить въ дѣтяхъ антирелигіозное направленіе; при этомъ указываетъ, между прочимъ, на то, что въ „Дѣтскомъ мірѣ", во 2-й его части, въ отдѣлѣ „Проза", помѣщена притча „Пшеница и плевелы" изъ „какого-то" Круммахера, а не изъ Божественнаго Евангелія; а въ „Родномъ словѣ" первый рисунокъ изображаетъ *осъ*, и только 8-й *церковь*, и то не отдѣльно, а въ селѣ; лишь на послѣдней страницѣ азбуки помѣщена одна только картинка—благословляющій Спаситель; въ тоже время на предпослѣдней страницѣ помѣщена тоже одна картинка, изображающая Филина. Вотъ этими то фактами доказываетъ г. Филоновъ вред-

ное направленіе книгъ Ушинскаго и его антирелигіозныя убѣжденія. Глубину этихъ доказательствъ оцѣнитъ всякій. Мы же, съ своей стороны, должны сказать здѣсь, что Константинъ Димитріевичъ былъ истинный христіанинъ и человѣкъ въ высшей степени религіозный. Евангеліе было его настольною книгою, и въ немъ онъ всегда искалъ подтвержденія своимъ мыслямъ, своимъ убѣжденіямъ. Онъ нападалъ на русскую школу за отсутствіе въ ней самобытности, за то, что она мало вліяетъ на развитіе въ дѣтяхъ истиннаго религіознаго чувства; онъ жестоко каралъ тѣхъ людей, которые кичились своимъ невѣріемъ, тѣхъ, которые, выдавая себя за передовыхъ людей, видѣли въ малѣйшемъ проявленіи религіозности или невѣжество (и это еще хорошо), или притворство, или сумашествіе. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Ушинскій очень серьезно разбираетъ это явленіе въ русскомъ обществѣ и указываетъ на примѣръ Гоголя. Онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Съ какимъ озлобленіемъ накинулась вся русская журналистика на бѣднаго Гоголя, когда онъ печатно высказалъ свои религіозныя убѣжденія. Его обвиняли не въ экзальтаціи, не въ неприличіи тона, въ чемъ дѣйствительно можно было обвинять „Переписку съ друзьями“; нѣтъ, его, своего прежняго кумира, обличителя общественныхъ язвъ, обвиняли во лжи, въ продажности и, столкнувъ съ подножія, на которое сами же его подняли, поставили чуть не на ряду съ заклейменными общественнымъ презрѣніемъ торгашами литературы. Но когда своей трагическою смертью Гоголь показалъ, по крайней мѣрѣ, искренность своихъ убѣжденій, тогда его, не обинуясь, назвали сумашед-

шимъ, хотя до послѣдней минуты въ словахъ и поступкахъ его выражался и здравый, ясный умъ, и непреклонная воля. Странное, дикое явленіе, указывающее намъ всю глубину раны, мертвящей нашу общественную жизнь. Англія, образованнѣйшая страна міра, благоговѣетъ передъ своимъ Ньютономъ именно за то, что въ немъ безконечная глубина разума соединялась съ безконечною глубиною религіознаго чувства; а мы, едва выходя изъ мрака невѣжества, бросаемъ грязью въ своихъ великихъ людей, если они вздумаютъ признаться, что вѣруютъ въ Бога, считаютъ необходимымъ исполнять Его заповѣди и молиться Ему. Въ Англіи религіозность не только можетъ, но и должна идти рука объ руку съ самымъ высокимъ умственнымъ развитіемъ, образованіемъ и гражданскою свободою, а у насъ религія—признакъ невѣжества, безнравственности или безумія. И, замѣчательно, что въ тѣхъ же самыхъ образованныхъ кружкахъ и въ тѣхъ же самыхъ журналахъ та-же Англія ставится образцомъ цивилизованнаго государства! Такія рѣзкія противорѣчія, обличающія всю шаткость, всю ничтожность нашихъ общественныхъ убѣжденій, попадаются у насъ на каждомъ шагу.“

Во многихъ мѣстахъ педагогической антропологіи Ушинскій высказываетъ свои религіозныя убѣжденія и очень часто, для подтвержденія своихъ мыслей, ссылается на ученіе Спасителя. Объясняя отношеніе психологіи къ религіознымъ системамъ, онъ указываетъ на то, что религія всегда распространяла психологическія воззрѣнія, что великія психологическія истины, скрывающіяся въ Евангеліи, распространялись вмѣстѣ съ Евангель-

скимъ ученіемъ. „Какая книга въ мірѣ, говоритъ Ушинскій, представляетъ болѣе глубокую психологію, болѣе вѣрное знаніе людей, и какая книга въ мірѣ болѣе читалась, слушалась, обдумывалась? Если же Евангельская психологія, болѣе или менѣе глубоко понятая, сдѣлалась общимъ достояніемъ всего христіанскаго міра, т.-е. всего образованнаго Европейскаго міра, то какимъ же образомъ психологъ можетъ не знать этой психологіи, можетъ обойти её, ограничивъ свои познанія теоріями Гербарта, Бенеке или какого нибудь другаго кабинетнаго ученаго?“ *)

Будучи противникомъ исключительно заграничнаго воспитанія, и не желая дать такое воспитаніе своимъ подроставшимъ дѣтямъ, Ушинскій возвратился въ Россію со всей семьей въ 1867 г. Пятилѣтнее пребываніе за-границей благодѣтельно повліяло на Ушинскаго: онъ поправилъ свое здоровье и сдѣлалъ очень много для своего духовнаго развитія. Изучивъ хорошо западно-европейскую педагогику, Ушинскій дѣятельно принялся за примѣненіе въ Россіи новыхъ для нея педагогическихъ началъ. Онъ сталъ сближаться съ русскими педагогами, дѣятельно посѣщалъ засѣданія Петербургскаго Педагогическаго Общества и прочиталъ тамъ нѣсколько рефератовъ. Одинъ изъ нихъ „Педагогика—какъ искусство“ произвелъ не малую тревогу среди нѣкоторыхъ членовъ общества. Имъ не понравилось, что Ушинскій не считалъ наукой педагогику, созданную нашими ближайшими западными сосѣдями, а признавалъ ее лишь

*) Стр. 417.

искусствомъ, т.-е. примѣненіемъ общихъ началъ антропологіи къ воспитанію.

Преданный всею душою дѣлу воспитанія и обученія, Ушинскій охотно дѣлился своими мыслями со всякимъ, кто этого желалъ. Онъ велъ дѣятельную переписку съ нѣкоторыми иностранными педагогами и съ барономъ Н. А. Корфомъ, который въ то время работалъ по народному образованію въ Екатеринославской губерніи и съ которымъ, если мы не ошибаемся, Ушинскому не удалось ни разу видѣться. Письма его къ барону Корфу затрогивали, главнымъ образомъ, организацію русской народной школы. Этотъ вопросъ очень интересовалъ Ушинскаго и онъ предполагалъ посвятить ему нѣсколько статей. Первая и послѣдняя статья его по этому предмету „Возникновеніе нашихъ народныхъ школъ“ была помѣщена имъ въ только что возникшемъ тогда журналѣ Ѳ. Н. Мѣдникова „Народная школа“.

Этотъ періодъ жизни Ушинскаго замѣчателенъ по необыкновенной дѣятельности покойнаго. Въ одно и то же время онъ составлялъ третій годъ „Роднаго слова“ и писалъ „Педагогическую антропологію“, посѣщалъ Педагогическое Общество и ученые диспуты въ университетѣ, переписывался съ педагогами и неустанно слѣдилъ за всѣмъ, что появлялось у насъ по части педагогики. Вмѣстѣ съ тѣмъ Константинъ Димитрієвичъ постоянно слѣдилъ и руководилъ занятіями своихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что его начальныя книжки прежде всего практиковались на его же собственныхъ дѣтяхъ. Такъ, годъ третій „Роднаго слова“, отъ перваго урока до послѣдняго, мнѣ лично посчастливилось, подъ руководствомъ

Константина Димитріевича, проштудировать съ двумя его младшими сыновьями, когда эта книжка была составлена еще лишь на-черно. Замѣчательно, что самъ Константинъ Димитріевичъ не могъ вообще давать уроковъ и особенно своимъ дѣтямъ. Малѣйшее затрудненіе ученика, малѣйшая ошибка съ его стороны сильно раздражали его и онъ уходилъ, не окончивъ урока.

Когда профессоръ Владиславлевъ защищалъ свою докторскую диссертацію о философіи Плотина, Ушинскій вознамѣрился было сдѣлать молодому ученому нѣсколько серьезныхъ возраженій; но эта попытка не прошла для него благополучно. При многочисленномъ собраніи публики г. Владиславлеву возражали сначала, какъ водится, оффиціальные оппоненты, которые отняли времени болѣе 2-хъ часовъ. Послѣ этого предсѣдательствующій (Срезневскій, если не ошибаемся) предложилъ сдѣлать замѣчанія желающимъ изъ публики. Сначала вызвался законоучитель 2-й военной гимназіи О. Лебедевъ, а за нимъ Ушинскій. Когда окончились замѣчанія О. Лебедева, Ушинскій, сидѣвшій въ заднихъ рядахъ и не могшій говорить громко, сталъ пробираться на средину аудиторіи къ совѣтскому столу. Въ этотъ моментъ тотъ же г. Срезневскій поспѣшилъ на встрѣчу Ушинскому и показывая ему карманные часы довольно грубо заявилъ, что не можетъ ему дать для замѣчаній болѣе 5 минутъ. Присутствующіе, ожидавшіе интереснаго диспута между Ушинскимъ и профессоромъ Владиславлевымъ, изобразили на своихъ лицахъ изумленіе и невольно зашикали. Ушинскій не счелъ возможнымъ связывать свою бесѣду съ ученымъ профессоромъ такимъ краткимъ

временемъ и, поклонившись нелюбезно встрѣтившему его декану, замѣтилъ: „это самая лучшая защита для г. докторанта“. Взволнованный, блѣдный какъ полотно, вышелъ онъ изъ аудиторіи въ сопровожденіи многочисленной публики, выражавшей ему свое сочувствіе. Протестъ, сдѣланный тутъ же въ Совѣтѣ профессоромъ О. Ѳ. Миллеромъ, не поправилъ дѣла: диспутъ былъ оконченъ, и г. Владиславлеву въ пустой уже аудиторіи былъ поднесенъ надлежащій дипломъ. Этотъ случай возбудилъ негодованіе въ нѣкоторыхъ тогдашнихъ органахъ печати, а Ушинскій замѣчанія свои на диссертацію г. Владиславлева высказалъ въ особой статьѣ, помѣщенной въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.

Усиленная дѣятельность Ушинскаго въ соединеніи съ петербургскимъ климатомъ снова подорвала его физическія силы. Весною 1870 г. онъ отправился за-границу, предполагая на этотъ разъ пробраться прямо въ Италію. Въ Вѣнѣ онъ серьезно заболѣлъ и пролежалъ около двухъ недѣль. Мѣстная медицинская знаменитость, докторъ Шкода, посовѣтовалъ ему возвратиться въ Россію, заѣхать въ Крымъ и полѣчиться тамъ кумысомъ. По Дунаю, чрезъ Одессу и Севастополь Ушинскій проѣхалъ въ Крымъ и поселился въ имѣніи иностранца Варле, неподалеку отъ Бахчисарая, гдѣ было только-что открыто кумысо-лѣчебное заведеніе. Пробывъ въ названномъ имѣніи около мѣсяца и значительно поправивъ свое здоровье, Ушинскій подумалъ ознакомиться поближе съ Крымомъ и съ этою цѣлью предпринялъ поѣздку въ Симферополь и на Южный Берегъ. Въ Симферополь Ушинскій попалъ какъ разъ во время съѣзда народныхъ

учителей, которымъ руководилъ учитель приготовительнаго класса Симферопольской гимназіи г. Дергачевъ. Симферопольское общество съ особеннымъ почетомъ отнеслось къ нашему педагогу. Очень многіе изъ педагоговъ посѣтили Ушинскаго, а мѣстный Директоръ народныхъ училищъ, г. Соичъ предложилъ ему проѣхать въ Бахчисарай для осмотра тамошнихъ татарскихъ школъ. Это предложеніе было принято Ушинскимъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Здѣсь онъ имѣлъ возможность познакомиться съ татарской *Медресе* и посѣтить школу русской грамотности, открытую для учениковъ Медресе съ цѣлью обученія ихъ русскому языку. Въ этой послѣдней школѣ первый разъ въ жизни Ушинскій видѣлъ примѣненіе своего „Роднаго слова“ на практикѣ, и притомъ примѣненіе очень оригинальное. Бородачи-ученики (20—35 лѣтъ) во время этого посѣщенія читали первыя страницы „Роднаго слова“, и забавно было ему слушать, какъ какой-нибудь Алибекъ-Оглы вытягивалъ басомъ: „дя-дя, ня-ня“ и т. п.

Съ величайшимъ интересомъ провелъ Константинъ Димитріевичъ почти часъ въ этой оригинальной школѣ. Изъ бесѣдъ съ учениками онъ узналъ, что они очень довольны своимъ русскимъ учителемъ и что русское чтеніе и письмо дается имъ гораздо легче арабскаго. Не обошлось при этомъ безъ упрековъ *Мудерису*, который не такъ легко учитъ ихъ чтенію и письму арабскому. Отрадно было авторскому сердцу Ушинскаго знать, что библіотеку каждаго ученика медресе составляютъ: коранъ, семь на него толкованій на арабскомъ языкѣ и Первый Годъ „Роднаго слова“.

Возвратившись изъ Бахчисарая, Константинъ Димитріевичъ раза два побывалъ на занятіяхъ учительскаго съѣзда и принималъ дѣятельное участіе въ преніяхъ учителей, что доставляло послѣднимъ неописанное удовольствіе. Узнавъ о днѣ отъѣзда Ушинскаго изъ Симферополя, учителя и нѣкоторые почитатели его педагогическихъ трудовъ собрались въ гостинницу, въ которой онъ останавливался. Ушинскій былъ очень тронутъ такимъ вниманіемъ и долго бесѣдовалъ съ присутствовавшими о различныхъ педагогическихъ вопросахъ. Онъ выразилъ между прочимъ удовольствіе, что въ Симферополѣ и вообще въ Крыму неожиданно увидѣлъ удачное примѣненіе на практикѣ своихъ кабинетныхъ трудовъ, и что вслѣдствіе того ему хотѣлось бы возможно больше потрудиться на пользу русской, зарождающейся народной школы. Очень многіе изъ учителей провожали Константина Димитріевича за нѣсколько верстъ отъ Симферополя.

Какъ могли, какъ съумѣли, выразили Ушинскому народные учителя чувства своего глубокаго уваженія и благодарности за педагогическіе труды его. Эти чувства были искренни, въ чемъ не сомнѣвался ни руководившій съѣздомъ г. Деркачевъ, ни директоръ училищъ г. Соичъ, отнесшійся сочувственно къ овваціи, сдѣланной учителями извѣстному русскому педагогу. Но за такое сочувствіе, какъ намъ передавали, г. Соичъ чуть было не поплатился. Не ручаемся, впрочемъ, за справедливость этого сообщенія.

Изъ Симферополя Константинъ Димитріевичъ проѣхалъ въ Ялту, гдѣ прожилъ около двухъ недѣль и еще

болѣе поправилъ свое разстроенное здоровье. Здѣсь онъ встрѣтился съ Н. И. Костомаровымъ и бесѣдовалъ съ нимъ о необходимости написать русскую исторію для дѣтей. Находя, что это трудъ крайне серьёзный и тяжелый, Константинъ Димитріевичъ полагалъ, что за него только и можетъ взяться такой ученый, какъ Н. И. Костомаровъ, безспорно обладающій умѣньемъ излагать историческіе эпизоды въ самой простой и для всякаго доступной формѣ.

Въ концѣ іюля, бодрый и духомъ, и тѣломъ, покидалъ онъ Крымъ, куда подумывалъ впослѣдствіи переселиться на житье, для чего имъ было уже приторговано небольшое помѣстье возлѣ самой Ялты. За весьма короткое время пребыванія своего въ Крыму Константинъ Димитріевичъ значительно возстановилъ свои физическія силы; его душевное настроеніе было прекрасно, такъ какъ онъ радовался, что кабинетные труды его удачно примѣняются на практикѣ даже въ народной школѣ, для которой онъ „Родного Слова“ и не предназначалъ. Ободренный сочувствіемъ, которое было высказано ему Симферопольскимъ обществомъ и учителями мѣстныхъ народныхъ школъ, онъ мечталъ о томъ, какъ много ему еще надо сдѣлать. Увидѣвъ неудобства въ примѣненіи „Родного Слова“ въ народной школѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно было впервые издано, Ушинскій хотѣлъ сдѣлать въ немъ значительныя перемѣны съ цѣлью приспособить этотъ учебникъ къ требованіямъ народной школы. Съ такими-то мыслями стремился Ушинскій къ родной семьѣ, которая ждала его въ имѣніи Богданкѣ (Черниговъ. губерніи, Новгород-сѣверскаго уѣз-

да). Онъ мечталъ увидѣть здѣсь своего старшаго сына Павла, окончившаго прекрасно вторую военную гимназію въ Петербургѣ и назначеннаго къ опредѣленію въ одно изъ высшихъ военныхъ училищъ. Получая отъ него въ Крыму письма, извѣщавшія о блестящемъ ходѣ его экзаменовъ, отецъ несказанно радовался и говаривалъ окружавшимъ его лицамъ: „ну, слава Богу! Теперь мнѣ есть на кого опереться; у меня есть теперь помощникъ. Онъ выведетъ въ люди и своихъ младшихъ братьевъ“.

Бѣдный отецъ! Ты торопился къ семьѣ, мечталъ о счастіи, о радостяхъ, но не онѣ тебя ожидали. Страшное горе должно было обрушиться на твою голову! Старшій сынъ Константина Димитріевича,—надежда больнаго старика,—съ увлеченіемъ предавшись различнымъ удовольствіямъ сельской жизни, за нѣсколько дней до пріѣзда отца отправился на охоту и, заряжая ружье, нечаянно нанесъ себѣ смертельную рану, и послѣ 14-тичасоваго мученія умеръ на рукахъ матери. Константинъ Димитріевичъ пріѣхалъ домой веселый, здоровый какъ разъ въ день похоронъ Паши. Многое было предупреждено для того, чтобы хотя на нѣсколько часовъ скрыть отъ отца страшное горе. Когда Константинъ Димитріевичъ спросилъ: „гдѣ же Паша“? ему отвѣтили, что онъ, утомленный охотою, спитъ во флигелѣ. Не желая тревожить сына, Константинъ Димитріевичъ отложилъ свиданіе съ нимъ до утра. Вставъ на другой день, по обыкновенію, очень рано, Ушинскій нечаянно узналъ отъ прислуги о происшедшей катастрофѣ. Онъ не повѣрилъ страшно поразившимъ его словамъ и опрометью бро-

сился во флигель. Не найдя здѣсь своего любимца, Константинъ Димитріевичъ упалъ въ обморокъ, а затѣмъ, прійдя въ себя, заперся на нѣсколько часовъ въ кабинетѣ. Домашніе слышали, какъ онъ рыдалъ здѣсь, какъ кричалъ: „Паша! Паша!.. не можетъ быть“! Эти слова онъ повторялъ не разъ и впослѣдствіи.

Потеря любимаго сына неблагопріятно отразилась какъ на здоровьѣ К. Д., такъ и на его душевномъ состояніи. Его характеръ съ этого времени совершенно измѣнился: онъ казался спокойнымъ. говорилъ мало и всѣ заботы направилъ на возможно лучшее устройство имѣнія Богданки и на покупку гдѣ-либо дома. Ему хотѣлось „гдѣ-либо свить гнѣздо семьѣ своей“. О себѣ онъ съ этого времени пересталъ заботиться и совершенно примирился съ мыслью, что ему долго не прожить. Осенью этого года онъ перевезъ всю семью свою въ Кіевъ и двухъ старшихъ дочерей помѣстилъ въ Кіевскій Институтъ. Тяжело было жить Ушинскому въ Кіевѣ. О жизни въ этомъ городѣ Константинъ Димитріевичъ такъ писалъ въ письмѣ одному своему другу: „Хорошо-ли мнѣ въ Кіевѣ? Увы, не хорошо. Душитъ глушью и ничего близкаго сердцу; но думаю. что для семьи моей будетъ лучше, чѣмъ гдѣ нибудь. Обо мнѣ же думать нечего—моя пѣсня, кажется, окончательно уже спѣта“. Устроивъ свою семью въ Кіевѣ, Константинъ Димитріевичъ сталъ собираться въ Крымъ. куда ему совѣтовали выѣхать доктора. Съ другой стороны, его тянуло въ Петербургъ, дорогой для него по многимъ воспоминаніямъ. „Худъ-ли, хорошъ-ли Петербургъ, писалъ онъ въ это время Я. П. Пугачевскому, но я съ

нимъ сжился сердцемъ, въ немъ протекла самая существенная часть моей жизни: много перечувствовано и горя, и радости и много проработано; тамъ я таскался безъ куска хлѣба, и тамъ же составилъ состояніе. тамъ я напрасно искалъ мѣста уѣзднаго учителя и бесѣдовалъ съ царями, тамъ я былъ невѣдомъ ни одной душѣ и тамъ пріобрѣлъ себѣ имя—надѣюсь, честное—и вотъ почему слеза навертывается у меня на глаза, когда я вспоминаю Петербургъ и что, по всей вѣроятности, мнѣ уже болѣе не видать его". Послѣ нѣкотораго колебанія и по настоянію докторовъ ѣхать на югъ, Константинъ Димитріевичъ отправился въ Одессу съ двумя меньшими своими сыновьями—Костей и Волей. Простудившись дорогою, онъ получилъ въ Одессѣ воспаленіе легкихъ и немедленно выписалъ изъ Кіева остальную свою семью. Слабый его организмъ не въ силахъ былъ перенести эту тяжелую болѣзнь, и 21-го декабря 1870 года Константинъ Димитріевичъ скончался, на 47-мъ году жизни. Часа за четыре до смерти онъ почувствовалъ себя очень хорошо и лишь жаловался на недостатокъ въ комнатѣ свѣта. Зажгли 4 свѣчи—ему казалось мало; принесли еще двѣ, и этихъ было недостаточно. Наконецъ комната была достаточно освѣщена и Константинъ Димитріевичъ, сидѣвшій до того времени въ креслѣ, пожелалъ лечь въ постель и одѣть чистое бѣлье. Когда эти желанія его были исполнены, онъ попросилъ своего родственника читать вслухъ „Ундину" Жуковскаго. По окончаніи чтенія, К. Д. позвалъ къ себѣ всѣхъ дѣтей и, по обыкновенію, вмѣстѣ съ ними помолился Богу. Отпустивъ дѣтей, Константинъ Димитріевичъ уснулъ... уснулъ на вѣ-

ки. Такъ тихо, въ полномъ сознаніи, преждевременно окончилъ жизнь свою отецъ разумной русской школы, воспитатель русскихъ педагоговъ, другъ русской женщины, учитель русскаго дитяти.

Никто въ Одессѣ не зналъ лично К. Д. но когда вѣсть о его смерти разнеслась по городу, общее сочувствіе къ высокимъ качествамъ его души и драгоцѣннымъ трудамъ на пользу отечественнаго образованія выразилось огромнымъ стеченіемъ людей всѣхъ сословій, которые пожелали отдать дань глубокаго уваженія останкамъ лучшаго русскаго педагога. Мало того, явилось множество лицъ, которыя хоть какъ-нибудь старались облегчить горе семьи умершаго Ушинскаго и которыя брали на себя всѣ хлопоты по устройству похоронъ, по перевезенію въ Кіевъ тѣла покойнаго и т. п. Въ этомъ отношеніи нельзя не указать здѣсь на любезность И. А. Чечета, принявшаго на себя всѣ хлопоты и труды по устройству похоронъ. О почестяхъ, оказанныхъ праху покойнаго Ушинскаго, при перенесеніи его тѣла изъ Одесскаго кафедральнаго собора до станціи желѣзной дороги, въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ того года было сообщено слѣдующее: „28 декабря въ 9 ч. раздался на соборной колокольнѣ благовѣстъ къ обѣднѣ. Учащіе и учащіеся въ Одесскихъ уѣздныхъ и городскихъ народныхъ училищахъ стройными рядами двинулись изъ дома уѣзднаго училища въ соборъ и съ благоговѣніемъ приблизились къ убранному цвѣтами гробу покойнаго Ушинскаго. Литургію совершалъ Предсѣдатель Одесскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, протоіерей Лебединцевъ. Панихиду служилъ профессоръ богословія при Императорскомъ Но-

новороссійскомъ университетѣ, протоіерей М. Павловскій, соборне съ законоучителями городскихъ народныхъ училищъ. Обѣдню и панихиду пѣлъ хоръ пѣвчихъ, составленный изъ учителей народныхъ училищъ, воспитанниковъ педагогическихъ курсовъ и воспитанниковъ сиротскаго дома. При выносѣ тѣла учителями народныхъ училищъ, запѣлъ торжественное, всепримиряющее „Святый Боже“ второй хоръ, образовавшійся изъ 20 воспитанниковъ педагогическихъ курсовъ и 50 учениковъ, обучающихся въ уѣздномъ и народныхъ училищахъ. Печальная процессія двинулась отъ собора, по Полицейской и Ришильевской улицамъ, на станцію желѣзной дороги „Куликово поле“. За крестомъ, сопровождаемымъ четырьмя фонарями и шестнадцатью хоругвями, шли: первая колонна учениковъ и учениць младшаго возраста—первый хоръ пѣвчихъ; вторая колонна учащихся старшаго возраста—второй хоръ пѣвчихъ; духовенство; печальный поѣздъ съ гробомъ, по угламъ котораго, поддерживая балдахинъ, стояли въ траурныхъ перевязяхъ, учителя народныхъ училищъ; шесть жандармовъ охраняли поѣздъ и очищали путь; пѣніе не прерывалось ни на минуту. За гробомъ шли: убитая горемъ вдова съ пятью осиротѣвшими дѣтьми покойнаго Ушинскаго, его близкая родственница (жена брата), окружной инспекторъ князь В. Д. Дабижа, профессоръ университета А. М. Богдановскій, директоръ и инспекторъ 2-й гимназіи, начальница Маріинской общественной женской гимназіи, исправляющій должность предсѣдателя состоящей при городской думѣ комиссіи попечителей народныхъ училищъ, преподаватели въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, се-

мейства учителей и много другихъ лицъ, пришедшихъ отдать послѣдній долгъ славному русскому педагогу".

Достойно почтила разноплеменная и разноязычная Одесса послѣдніе останки Константина Димитріевича Ушинскаго, такъ много потрудившагося на пользу русской педагогики и обѣщавшаго сдѣлать еще больше. Его кончина въ многочисленныхъ уголкахъ нашего отечества была встрѣчена съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія и много слезъ было пролито по немъ и учащими, и учащимися, и родителями, и дѣтьми. Да и нельзя не оплакивать преждевременную кончину такого честнаго труженика, такого полезнаго дѣятеля, такого высокогуманнаго человѣка, какимъ былъ Константинъ Димитріевичъ Ушинскій.

Тѣло Ушинскаго перевезено въ Кіевъ и похоронено въ Выдубицкомъ монастырѣ подъ огромнымъ каштановымъ деревомъ, на берегу р. Днѣпра. На хартіи, украшающей прекрасный надгробный его памятникъ, написано: „Константинъ Димитріевичъ Ушинскій — авторъ „Дѣтскаго міра", „Родного Слова" и „Педагогической антропологіи". Умеръ 21-го декабря 1870 года, на 47 г. жизни", а на крестѣ памятника:—„Блаженни мертвіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ. Ей, глаголетъ духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ, дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ съ ними".

Слоб. Нальчикъ
Терской Области.
1881 года, 1-го апрѣля.

Приложенія.

I

Рѣчь,

сказанная въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 28 Декабря 1870 года, профессоромъ богословія, протоіереемъ М. Павловскимъ при выносѣ останковъ Константина Димитріевича Ушинскаго на станцію желѣзной дороги.

„Вотъ тотъ гробъ, предъ которымъ съ любовію преклонятся и съ благодарностію помолятся многіе и многіе въ Россіи: преклонится и помолится дитя и возрастный, ученикъ и учитель, мать и ея дѣти, начинающій изучать великое дѣло воспитанія и глубоко изучившій множество системъ воспитанія. Вотъ тотъ труженикъ, котораго такъ долго ждали русская школа и семья; который книгами своими облегчилъ и сдѣлалъ изъ горькаго сладкимъ ученіе для дитяти и для его учителя; который связалъ матерей съ ихъ дѣтьми крѣпкими и святыми узами воспитанія; который прочиталъ незабвенные уроки обученія и воспитанія всѣмъ воспитывающимъ и пишущимъ о воспитаніи. Вотъ тотъ дивный знакомецъ, котораго, никогда не видѣвши, знаешь, чтишь и любишь,—знаешь по его книгамъ, наполнившимъ учи-

лица и семьи,—чтишь за тѣ разнообразные таланты, которыми такъ щедро надѣленъ былъ и изъ которыхъ ни одного не скрылъ онъ въ землѣ; за тѣ многосторонія и глубокія познанія, которыя черпалъ онъ изъ себя самого, изъ всей природы и изъ образованныхъ странъ Европы; любишь за ту, всегда живую любовь и за то неустанное терпѣніе, съ которыми онъ одинаково писалъ и азбуку для дѣтей, и глубокое по взглядамъ и многостороннее по познаніямъ сочиненіе свое о человѣкѣ, какъ предметѣ воспитанія;—любишь за ту новость взгляда на воспитаніе, истинность котораго почувствовали всѣ, когда прочитали, но которую высказалъ онъ первый,—ту новость, что „чѣмъ меньше возрастъ учениковъ, надъ образованіемъ которыхъ трудится воспитатель, тѣмъ больше требуется отъ него педагогическихъ познаній“. Любимъ его за его „Дѣтскій міръ“, въ которомъ онъ такъ легко и такъ увлекательно знакомитъ дѣтей съ ними самими и съ окружающею природою;—за его „Родное слово“, по которому русскія дѣти начали изучать и съ любовію изучаютъ родную русскую жизнь во всемъ богатствѣ русскаго языка и во всемъ разнообразіи народныхъ поэтическихъ формъ.

„Вотъ почему и въ нашей разноплеменной и разноязычной Одессѣ, въ которой Провидѣніе указало христіанскую кончину незабвенному Ушинскому, его гробъ окружается такою искреннею любовью и молитвой: цѣну воспитателю русскихъ дѣтей и воспитателей—Одесса чувствуетъ если не болѣе, то ни въ какомъ случаѣ не менѣе другихъ городовъ обширной Россіи.

„Съ миромъ и благословеніемъ отпущаемъ тебя въ

путь твой, доблестный труженикъ, до конца жизни свято служившій святому дѣлу воспитанія. Отъ глубины благодарныхъ сердецъ молимъ Того, Кто обѣщалъ не забыть и чаши студеной воды, поданной жаждущему, не забыть—помянуть тебя во царствіи своемъ, не забыть то, что оставилъ ты на землѣ самого дорогаго для тебя—родныхъ дѣтей твоихъ. Да воспитаются они такъ, какъ воспитывалъ ты и долго воспитывать будешь, книгами твоими, дѣтей русскихъ!"

II

Рѣчь,

сказанная на станціи желѣзной дороги „Куликово поле", учителемъ Одесскаго народнаго училища Т. Росиковымъ.

„Замолчите всѣ, считающіе дѣло начальнаго воспитанія дѣломъ маловажнымъ, дѣломъ, нестоющимъ серьёзнаго вниманія; замолчите и проникнитесь глубокимъ уваженіемъ къ дѣлу воспитанія, ибо есть люди, полагающіе жизнь свою за это дѣло. Вотъ гробъ человѣка, который всю жизнь свою принесъ на пользу своихъ юныхъ соотечественниковъ. Вотъ останки труженика, предпринявшаго громадный трудъ: собрать мнѣнія о воспитаніи, высказанныя великими мыслителями въ продолженіи многихъ вѣковъ и изъ этихъ разнорѣчивыхъ теорій и философскихъ взглядовъ выработать послѣднее слово науки о воспитаніи духовной и физической природы человѣка, составить руководство, необходимое для всѣхъ,

кто посвятилъ себя воспитанію русскаго юношества. Этимъ трудомъ онъ желалъ положить конецъ тому жалкому обученію и воспитанію, какому подвергаются дѣти въ школахъ, руководимыхъ непризванными и неподготовленными педагогами. Онъ стремился путемъ воспитанія создать разумно счастливую жизнь молодаго поколѣнія; онъ желалъ видѣть въ человѣкѣ образъ и подобіе Божіе. И что можетъ быть возвышеннѣе этихъ стремленій! Его сочиненіе „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“ смѣло можетъ быть поставлено въ ряду замѣчательныхъ педагогическихъ произведеній Европы. Надъ этимъ громаднымъ трудомъ онъ 16 лѣтъ работалъ честно, съ глубокимъ знаніемъ, не щадя жизни, и выполнилъ его со славою. И какую же стяжалъ ты для себя награду? Преждевременную смерть. Со смертію твоею много потеряло и русское юношество, и русская начальная школа. Твоими трудами начала созидаться на Руси разумная школа; ты первый осушилъ дѣтскія слезы, ручьями лившіяся въ прежнихъ рутинныхъ школахъ; ты заставилъ дѣтей полюбить и школу, и грамоту. Сотни тысячъ учащихся знаютъ твое имя; сотни тысячъ читаютъ и любятъ твои книги, составленныя съ глубокимъ знаніемъ дѣтской природы. Но все-ли ты сдѣлалъ? Нѣтъ. Многаго и весьма многаго еще ждала отъ тебя русская школа и семья. Оставленныя тобою рукописи свидѣтельствуютъ, что преждевременная смерть прервала благородную обще-полезную дѣятельность твою на половинѣ.

„Сознайте же всѣ, пришедшіе отдать послѣдній долгъ этому плодотворному труженику, сознайте, что вы про-

вожаете въ могилу человѣка, для котораго благо ближняго было задачею жизни; сознайте, цѣните и не забывайте его труды, его мысли и стремленія.

„Что-же, сотоварищи, въ эти минуты сказать вамъ? Горе наше велико. На долю нашу выпалъ жребій не привѣтствовать, но провожать въ невозвратный путь всѣми нами любимаго ученаго. Вспомнимъ же, на прощаньи съ гробомъ симъ, и сохранимъ въ сердцахъ нашихъ все то, что говорилъ и завѣщалъ намъ почившій въ этомъ гробѣ. Онъ говорилъ: „Неправильное воспитаніе тяжело отзывается во всей жизни человѣка, есть главная причина зла въ народѣ и отвѣтственность за это падаетъ прямо на воспитателей“. Онъ говорилъ, что для разумнаго воспитанія недостаточно одного терпѣнія и любви къ дѣтямъ, но необходимо при этомъ изучить и знать ихъ природу. Воспитаніе дѣтей онъ считалъ великимъ, святымъ дѣломъ и требовалъ, чтобы къ нему относились серьезно; онъ сказалъ: „Преступникъ, убійца тотъ, кто берется за воспитаніе, не зная его“.

„Пусть же, сотоварищи, гробъ этотъ пробудитъ въ насъ сознаніе святости долга, которому мы служимъ; пусть онъ напомнитъ намъ, что на поприщѣ воспитанія мы должны имѣть цѣлью—благо ближняго. Дадимъ обѣщаніе глубже ознакомиться съ мыслями этого благонамѣреннаго и честнаго труженика. И если каждый изъ насъ сдѣлаетъ хоть сотую долю того, что сдѣлалъ онъ, тотъ уже много сдѣлаетъ.

„Прости-же, отецъ разумной русской школы, другъ дѣтей и славный педагогъ. Вѣчная память тебѣ, дѣлавшему дѣло для дѣла и трудившемуся для труда! Имя

твое будетъ жить въ сердцахъ нашихъ и въ сердцахъ дѣтей, для блага которыхъ ты не щадилъ жизни.

„Миръ праху твоему“.

III

Рѣчь,

сказанная законоучителемъ Кубанской учительской семинаріи, О. І. Стась, 8 Марта 1871 года на панихидѣ по Ушинскомъ.

„Печальная вѣсть собрала насъ, юные друзья, въ этотъ домъ молитвы, вѣсть о кончинѣ человѣка, который очень много потрудился на пользу народнаго образованія. Въ эти минуты намъ невольно приходитъ на память наставленіе Апостола, что мы должны „поминать своихъ наставниковъ“. Помнить своего добраго наставника есть прямой долгъ благодарности; многимъ добромъ мы обязаны бываемъ ему; онъ направляетъ насъ на путь истины и добра; онъ прокладываетъ намъ дорогу въ жизни общественной; онъ часто замѣняетъ намъ отца и мать; а иногда, въ трудныя минуты жизни, одинъ, быть можетъ, образъ его,—строгій, запрещающій, умоляющій образъ его,—удерживаетъ насъ отъ ошибокъ, увлеченій, преступленій. Вотъ почему мы должны быть благодарны памяти своихъ добрыхъ наставниковъ. И такъ, прямой долгъ благодарности обязываетъ насъ помнить своего добраго наставника.

„Помня этотъ долгъ, мы, воспитатели ваши, пригласили васъ, будущихъ учителей народа, помолиться вмѣ-

стѣ съ нами о вѣчномъ упокоеніи души одного изъ величайшихъ русскихъ педагоговъ, К. Д. Ушинскаго, недавно скончавшагося. Вамъ, начинающимъ только приготовляться къ дѣлу народнаго образованія, неизвѣстно, быть можетъ, это имя, но вы скоро узнаете его по его сочиненіямъ; а эти сочиненія такого рода, безъ которыхъ вы шагу не можете сдѣлать въ народной школѣ, которыя переживутъ и насъ, и васъ, а быть можетъ, и внуковъ вашихъ. Когда вы изучите эти сочиненія, познакомитесь съ жизнію человѣка, трудившагося надъ ними, вы полюбите этого человѣка отъ всей души, отъ всего сердца, и не разъ, быть можетъ, поникните мыслію надъ неисповѣдимыми путями промысла Божія въ дѣлѣ спасенія людей, и не разъ ваша теплая молитва понесется къ престолу Всевышняго за этого человѣка, и не разъ призадумаетесь надъ судьбою русскаго педагога, русскаго просвѣщенія, русской мысли, и не разъ вы увлечетесь мыслію этого человѣка, его духомъ. Дай Господи, чтобы это было такъ, дай Господи, чтобы его мысль, его духъ, оставшіяся жить въ его сочиненіяхъ, сдѣлались вашей мыслью, духомъ вашей будущей дѣятельности. Это было-бы величайшимъ благодѣяніемъ для русскаго просвѣщенія, это была-бы величайшая жертва за спасеніе души его... Помолимся же, мои юные друзья, за упокой души раба Божія Константина. Онъ достоинъ самой искренней, самой горячей молитвы и какъ истинно-православный христіанинъ, и какъ человѣкъ, много потрудившійся на пользу народнаго образованія“.

IV

Списокъ

сочиненій К. Д. Ушинскаго, разбросанныхъ по журналамъ и газетамъ.

1) Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой. Труды уральской Экспедиціи. Совр., 1853 г., №№ 8, 9, 10 и 11.
2) Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій, критич. статья. Совр., 1854 г., № 6.
3) Путешествіе въ Персію Бларамберга. Совр., 1854 г.
4) Поѣздка на Волковъ. Совр., 1852 г., № 9.
5) Литературный характеръ, или исторія генія, заимствованная изъ собственныхъ чувствъ и признаній Дизраэли. Совр., 1853 г., №№ 5, 6, 7 и 8.
6) Исторія одной французской эскадры; извлеченіе изъ книги принца Жуанвильскаго. Совр., 1853 г., № 3.
7) Свѣдѣнія и современномъ состояніи Турціи. Совр., 1854 г., № 6, 7 и 8.
8) О пользѣ педагогической литературы Ж. д. В., 1857 г., т. I.
9) О народности въ общественномъ воспитаніи. Ж. д. В., 1857 г., т. II.
10) Школьная реформа въ сѣверной Америкѣ. Ib., 1858 г., т. III.
11) Внутреннее устройство сѣверо-американскихъ школъ. Ж. д. В., 1858 г., т. IV.
12) Три элемента школы. Ж. д. В., 1857 г., т. I. (Виссаріонъ Жуковъ).
13) Трудъ. Ж. М. Н. П., 1860 г., Іюль.
14) О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи. Ib., 1860 г., №№ 11 и 12.
15) Психологическія монографіи: Вниманіе. Ib., 1860 г., № 8 и 9.

16) „5 Марта 1861 г.“ (по поводу освобожденія крестьянъ). Ib., 1861 г., № 3.
17) Проектъ учительской семинаріи. Ib., 1861 г., № 2 и 3.
18) Воскресныя школы. Письмо въ провинцію. Ib., 1861 г., № 1.
19) Родное слово. Ib., 1861 г., № 5.
20) Педагогическая поѣздка по Швейцаріи. Ib., 1862 г., № 12 и 1863 г., №№ 1, 3 и 4.
21) О возникновеніи нашихъ народныхъ школъ. Народная школа, 1870 г.
22) О голодѣ въ Россіи. Голосъ, 1867 г.
23) Цвѣты московской педагогіи на Петербургской почвѣ. Отечеств. Зап., 1866 г., № 20.
24) Разборъ психологической теоріи Спенара. От. Зап., 1866.
25) Необходимость ремесленныхъ школъ въ столицахъ. С.-Петерб. Вѣдом., 1868 г., № 103.

ОПЕЧАТКИ.

					Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
Стран.	8	строка	15	св.	празднической	практической
»	—	»	—	»	попапались	попадались
»	16	»	2	»	а также	у такихъ
»	20	»	4	»	Волковъ	Волховъ
»	—	»	16	»	при тотъ	притомъ
»	22	»	5	сн.	Чумакова	Чумикова
»	29	»	4	св.	и отсутствіе	за отсутствіе
»	30	»	2	сн.	перейти къ	перейти въ
»	32	»	10	св.	воспитаніе	дать воспитаніе
»	48	»	1	»	который	которымъ
»	—	»	16	»	это	этого
»	56	»	3	сн.	Слоб. Нальгикъ	Слоб. Нальчикъ
»	58	»	16	св.	Любимъ его	Любишь его
»	64	»	6	»	4) Поѣздка на Волковъ.	4) Поѣздка на Волховъ.

Цѣна 50 коп.